

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

НИКОЛЯ БЁГЛЕ

КРИК

За этими стенами
скрыта зловещая тайна.
Удастся ли ее
разгадать?..

Лауреат премий Prix du Polar des Petits Mots
des Libraires и Prix du Roman Populaire

Иностранный детектив

Николя Бёгле

Крик

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)

Бёгле Н.

Крик / Н. Бёгле — «Центрполиграф», 2016 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-08381-4

Психиатрическая больница «Гёустад» в Осло. На рассвете холодного зимнего дня одного из пациентов находят задушенным. Рот его открыт в безмолвном крике. Приехавшая на место происшествия инспектор полиции Сара Геринген сразу поняла, что столкнулась с делом из ряда вон выходящим. Вопросы возникают один за другим: что за странный шрам в виде числа 488 на лбу жертвы? Откуда взялись зловещие рисунки на стенах больничной палаты, где его содержали? Почему руководство больницы почти не обладает информацией о личности человека, который провел там больше тридцати лет? Так для Сары началось запутанное и крайне опасное расследование, которое заставит ее немало помотаться по миру: Париж, Лондон, вулканический остров Вознесения, заброшенные шахты Миннесоты, Ницца... Напарником ее окажется французский журналист Кристофер Кларенс, вместе с которым ей предстоит открыть ошеломляющую правду, похороненную в сверхсекретных лабораториях.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)

ISBN 978-5-227-08381-4

© Бёгле Н., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	50
Глава 9	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Николя Бёгле

Крик

Nicolas Beuglet
LE CRI

Серия «Иностранный детектив»

© XOF Editions, 2016

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

*Трем моим любимым женщинам – Каролине, Еве и Жюльетте.
Ныне и во веки веков.*

*Мои друзья пошли дальше, а я остался один и, охваченный
страхом, услышал несмолкаемый крик природы.
Эдвард Мунк о моменте, вдохновившем его на создание серии картин
«Крик». Литературно-художественный журнал «Ревю бланш»,
выпуск IX, 1895 г.*

Глава 1

Сара выскочила из квартиры, захлопнула дверь и застыла на месте – надо было отдышаться после собственных криков.

Тишину на этаже теперь нарушало только приглушенное бормотание телевизора, еще работавшего где-то у соседей в такой поздний час.

Сердце колотилось как бешеное. Сара медленно двинулась к лестничной клетке, не сомневаясь, что сейчас, вот сейчас Эрик выглянет в коридор, и позовет ее, и скажет, что любит, что никогда никого, кроме нее, не любил, а измена была ошибкой, слабостью и больше не повторится.

Система автоматического отключения света в подъезде закончила обратный отсчет – коридор погрузился в темноту. Сара остановилась. Нужно подождать еще чуть-чуть – и Эрик обязательно выйдет, начнет сбивчиво извиняться, она сделает вид, что почти простила его, и все будет как раньше.

Но легкую тревогу неуклонно вытеснял страх. Дверь квартиры оставалась закрытой, коридор тонул во тьме и безмолвии. Сара оперлась рукой о стену, глядя на тусклый оранжевый ореол подсветки выключателя, и несколько минут по привычке рисовала в воображении детскую комнатку – как чудесно там станет, когда появится малыш, – словно силой мечты можно было изменить ход событий. Нельзя, конечно, ничего изменить, но и тупо брести вперед, не разбирая дороги, как ошалевшая жертва автоаварии, невозможно.

Затаившись во мраке, Сара терпеливо ждала, убеждая себя, что Эрик боится продолжать разговор, пока она в бешенстве, вот и медлит, чтобы дать ей немножко остыть. В этот момент полоска света под дверью квартиры исчезла. Он не выйдет.

У Сары закружилась голова, пришлось прислониться к стене спиной и собраться с силами, прежде чем сделать вслепую несколько шагов к лестнице.

На первом этаже ветер осатанело штурмовал застекленные входные двери; за ними хлопья снега наперегонки летели по косой на фоне мертвенно-бледных пятен фонарей.

Сара, глубоко вдохнув, вытерла мокрые от слез веснушчатые щеки, подняла меховой воротник парки и вышла из подъезда. Мороз мгновенно пробрал до костей; рыжие пряди волос, заплывав на ветру, хлестнули по глазам. Тротуар уже завалило снегом, с которым в конце улицы храбро сражалась снегоуборочная машина, выстраивая на обочинах белые рассыпчатые стены. Городом Осло завладела зима.

Сквозь влажную пелену Сара скорее угадала, чем разглядела свой полноприводный внедорожник в нескольких метрах от подъезда и в облаках пара, рывками вылетающих из рта, побрела к нему. Под каблуки набился снег – каждый неуклюжий шаг сопровождался унылым скрипом.

Подумалось вдруг: ведь Эрик не только не бросился ее догонять, чтобы попросить прощения, но даже не поинтересовался, куда она пойдет одна посреди ночи. Будто принял решение, что теперь они друг другу чужие и у каждого своя жизнь. Будто сегодняшний разговор стал всего лишь катализатором разрыва, который назревал долгое время. Как такое возможно после всего, через что они вместе прошли?

От шквала воспоминаний перехватило дыхание, подогнулись колени – последние годы семейной жизни снежным вихрем пронесли в голове. Тот день, когда в белой палате, пропахшей эфиром, ей сообщили, что она бесплодна; внезапная слабость, упадок духа; слова утешения, сказанные Эриком, его надежда на лучшее; первые дозы кломида – препарата, стимулирующего овуляцию, и постыдный побочный эффект – недержание мочи; секс по расписанию, без желания, до отвращения; назойливое внимание озабоченных родственников: «Ну что? Когда же у вас будет малыш?» Через год малыша все еще не было, и от надежды мало что

осталось. Первые сомнения Эрика, невысказанные, но угаданные безошибочно; новый курс лечения – болезненные инъекции «Гонал-Ф»; рождение второго ребенка у сестры; решение перейти к искусственному оплодотворению; редкие моменты интимной близости, приносящие все меньше удовольствия; тесный, выстуженный врачебный кабинет в восемь утра, ноги раздвинуты, муж мастурбирует рядом в закрытой кабинке, чтобы ей ввели сперму шприцем с катетером. Новая надежда, страх и очередное разочарование. Слезы. Нервное истощение. Потеря смысла жизни. Дурацкие советы со всех сторон – мол, просто надо успокоиться, стресс и опасения отрицательно сказываются на репродуктивной функции. Примерно так призывают к порядку детей, сторонящихся собак: дескать, животные нападают, когда чувствуют, что ты их боишься.

Еще было неотвязное желание все время перекладывать прелестные ползунки, крошечные носочки, разноцветные погремушки, собирающие пыль в пустой, безжизненной комнатке. И постоянный страх не найти в себе сил, чтобы все начать заново, если и в этот раз ничего не получится.

Сара осела в сугроб, обхватив руками живот. Хотелось почувствовать всем телом ледяное оцепенение – пусть мороз подействует как анестезия против душевной боли.

И тут в ночной тишине раздалась мелодия звонка.

Сара вскинула голову – подумала, что это звонит Эрик. Однако в следующую секунду на покрасневшем от холода лице отразилось разочарование: вызов поступил на рабочий мобильник.

Она достала телефон, посмотрела на экран и впервые за годы службы не ответила. Кое-как поднявшись, рванулась к внедорожнику, втиснулась за руль – торопливо, чтобы не переждать по дороге и не вернуться в сугроб, где можно заснуть сладким сном и больше не просыпаться. Надо было ехать к сестре, Сара уже завела двигатель, но рабочий мобильник опять затренькал. Если коллеги проявляют такую настойчивость, значит, случилось что-то серьезное. А разве может быть что-то серьезнее того, что сейчас произошло с ней?

Она опять проигнорировала звонок. Но телефон не унимался.

Облокотившись на рулевое колесо, Сара некоторое время боролась с собой, перебирая варианты действий, противоречившие один другому, потом все же дрожащей рукой приняла вызов:

– Слушаю.

От усилия, которое понадобилось приложить, чтобы протолкнуть это слово сквозь сдавленное горло, ее затошнило.

– Инспектор Геринген? – Голос был мужской, незнакомый и очень взволнованный.

– Да. – Она устало откинулась затылком на подголовник.

– Это офицер Дорн, административный район Сагене. Простите, что беспокою так поздно и так настойчиво, госпожа Геринген, но... Нас вызвали для освидетельствования смерти. Случай вроде бы банальный, только вот обнаружились некоторые обстоятельства... э-э, нестыковки... В общем, по-моему, тут необходимо ваше присутствие...

Сара слушала вполуха, тем более что патрульный говорил торопливо и бестолково – сложно было уследить за смыслом.

– Где, вы сказали, это произошло?

Офицер Дорн повторил, и она обессиленно закрыла глаза – полицейский назвал то самое заведение, где ей сегодня меньше всего хотелось бы оказаться.

– Так, а теперь успокойтесь и еще раз объясните мне, в чем несоответствие между тем, что сказал по телефону ночной надзиратель, и тем, что вы обнаружили на месте.

Пока мозг сам воспринимал и усваивал информацию, Сара лихорадочно подыскивала предлог, чтобы выторговать себе отсрочку – лишь бы не ехать на вызов сейчас.

– Понятно. А теперь уточните, что именно вас насторожило. Как только офицер сообщил о «странных отметинах на лбу покойного» и путаных показаниях свидетелей, у нее наконец сработал профессиональный рефлекс. Пристроив телефон на бедре, она помассировала виски, потерла глаза, а когда снова поднесла к уху мобильник, ее голос уже не дрожал:

– Ладно, слушайте меня, офицер Дорн. Немедленно перекройте доступ к месту происшествия и вызовите криминалистов. Судмедэксперта я привезу сама.

Отложив телефон, Сара глубоко вздохнула, размышляя, справится ли она сейчас с расследованием. Физических сил у нее, конечно, хватит, но вот душевных – вряд ли. Особенно там, куда ей предстоит отправиться.

Сара скользнула взглядом по приборной панели внедорожника: минус 4 градуса, 5 часов 56 минут утра, 36 километров в час. За лобовым стеклом засыпанные снегом улицы походили на белые каньоны, из покатых стен которых торчали лишь боковые зеркала машин, припаркованных вдоль тротуаров. Никто из горожан еще не осмелился высунуть нос из дому, почти все окна квартир были черны. В свете фар Сара увидела указатель – она приближалась к Центральному вокзалу Осло, к месту встречи с судмедэкспертом, и только теперь подумала, что наверняка выглядит ужасно. Она вовсе не была кокеткой – наоборот, крайне редко пользовалась косметикой и надевала украшения, особенно на службе (никаких тональных кремов, теней, помад и колец, за исключением обручального), однако не любила выставлять напоказ свое эмоциональное состояние, а сейчас его трудно было бы скрыть. Поэтому пришлось воспользоваться остановкой на первом же светофоре, чтобы хорошенько разглядеть себя в зеркальце заднего обзора.

Саре показалось, что она постарела лет на десять. Глаза покраснели и опухли от слез, «гусиные лапки» морщин обозначились отчетливее, молочно-белая кожа, усеянная веснушками, приобрела болезненный, сероватый оттенок. На этот раз придется позволить себе небольшое жульничество. Она достала из бардачка заколку, айлайнер и флакончик с блеском, хранившиеся там на экстренный случай. Подвела глаза тонкими линиями, подчеркнув их голубизну, мазнула розовой кисточкой по губам и перехватила рыжую копну волос зеленой заколкой.

За последним поворотом на пути к вокзалу открылась круглая площадь перед главным входом, яркие оранжевые пятна фонарей сменились тусклым белым освещением. С судмедэкспертом Сара общалась раньше только заочно, но вычислила его сразу – он категорически не вписывался в окружающую обстановку. У эспланады Центрального вокзала была дурная слава: по ночам здесь собирались наркоманы и алкоголики, – так что единственный человек, уверенно сохранявший вертикальное положение, и оказался тем, за кем приехала Сара. Мужчина невысокого роста, в парке с низко надвинутым капюшоном и с чемоданчиком в руке, переступал на морозе с ноги на ногу, провожая взглядом каждую проезжавшую мимо машину. Сзади к нему приближалась шумная компания – то ли подвыпившая, то ли обкуренная.

Сара прибавила скорости и наклонилась над пассажирским сиденьем, чтобы открыть дверцу. В этот момент один разгильдяй отделился от группы и толкнул судмедэксперта в спину так, что тот пошатнулся. Компания радостно заржала. Сара, поспешно набрав код на электронном замке отделения для перчаток, выхватила оттуда служебное оружие и, припарковавшись, вышла из машины, а судмедэксперт, сумевший удержать равновесие, тем временем неторопливо направился к ней, будто ничего и не случилось. Шпана разразилась оскорблениями в его адрес, кто-то швырнул бутылку – она разлетелась вдребезги совсем рядом. Сара с пистолетом в опущенной к бедру руке, оглябая внедорожник, обеспокоенно гадала, почему судмедэксперт не торопится – ей лучше, чем кому-либо, было известно, на что способны такие ночные банды.

Кто-то заплетающимся языком потребовал у «старикана» отдать чемодан и пообещал в противном случае выпотрошить его «как свинью». В этот момент Сара рассмотрела в свете фонаря лицо судмедэксперта: за пятьдесят, симпатичный, добродушный бонвиван, круглые

щеки покраснелись от стужи. Он невозмутимо махнул ей рукой в знак приветствия, продолжая все так же неспешно шагать по эспланаде. «Неужели не чувствует угрозы?» – удивилась Сара.

– Ну, короче, ты напросился, придурок! – заорал тот, кто требовал отдать чемодан, и с рычанием бросился догонять добычу.

Сара заметила, как у него в руке блеснуло лезвие, и машинально вскинула пистолет. А судмедэксперт и не подумал ускориться. Задержав дыхание, она прицелилась в ноги нападавшему и уже готова была выстрелить, но парень с ножом вдруг поскользнулся и грохнулся спиной на обледеневшие плиты эспланады.

Судмедэксперт тем временем добрался прогулочным шагом до внедорожника и вальяжно уселся на пассажирское кресло. Сара быстро вернулась за руль.

– Приветствую, инспектор Геринген, – улыбнулся толстячок, снимая перчатки. – Доктор Тобиас Ловструд к вашим услугам.

Не удостоив взглядом протянутую руку, она лишь едва заметно кивнула в ответ и, поправив зеркальце заднего обзора, принялась разворачивать машину. Ловструд, пожав плечами и украдкой разглядывая спутницу, скинул капюшон. Хулиганье на эспланаде энергично ругалось им вслед, размахивая кулаками.

– Простите, я, кажется, заставил вас понервничать. Но видите ли, бросившись бежать, я сразу оказался бы на лопатках, потому что там очень скользко, и шпана сыграла бы в футбол моей головой. Так что я решил идти медленно, уповая на алкоголь и непогоду. Удачное сочетание того и другого спасло мне жизнь: как и предполагалось, пьяные олухи не учли гололед. Однако знаете что? От судьбы в любом случае не убежишь. – Судмедэксперт сделал паузу и покосился на Сару, не проронившую ни слова. – Значит, правду о вас говорят... Вы молчунья. Ну да ничего, мне только дайте волю – буду болтать за двоих. Но если вас это раздражает – непременно скажите, не стесняйтесь, а то покойники меня разбаловали! – Довольный собственной шуткой, он качнул головой. – Кстати, спасибо, что сделали крюк, чтобы меня подобрать. Служебную машину просто так не получишь – пришлось бы заполнять кучу бумаг, и мы бы потеряли куда больше времени.

Ловструд наконец заткнулся, поскреб лысую макушку, потом открыл чемоданчик, достал платок и высморкался. Сара узнала характерный запах камфары – патологоанатомы мажут этим веществом ноздри, чтобы нейтрализовать трупную вонь во время вскрытия.

Она опустила стекло на пару сантиметров и включила поворотник, выруливая на Третье кольцо – по нему на север Осло можно было добраться быстрее, чем по центральным улицам.

– Знаете, мне ужасно приятно познакомиться с вами лично. Я о вас столько слышал! И должен сказать по секрету, представлял вас совсем не такой. – Ловструд добродушно рассмеялся.

Имя Сары Геринген впервые прозвучало в его отделе, когда ее назначили на дело Эрнеста Янгера – серийного убийцы, позднее получившего кличку Санитар. До этого в расследовании целых два года не было никаких подвижек, лишь росло количество жертв – к тому моменту, когда за него взялась Сара, погибли уже шесть женщин. Норвежская полиция сгорала от стыда, а инспектор Геринген как раз недавно заявила о себе, блистательно раскрыв другое убийство и проведя арест преступника, выследить которого было чрезвычайно сложно. В итоге руководство решило воспользоваться ее аналитическими способностями и служебным рвением в деле, не дававшем покоя всему Осло.

Она начала с того, что приказала провести повторные вскрытия по более точному и подробному протоколу, чем в первый раз. Ловструд, в ту пору новоиспеченный главный врач Института судебно-медицинской экспертизы, помнил, как возмущались коллеги внезапно прибавившей дополнительной работой. Но, читая их отчеты, он вынужден был признать, что

появились новые данные в списках веществ, обнаруженных на телах жертв. Одно из этих веществ присутствовало во всех списках и дало совершенно иное направление расследованию.

До сих пор Ловструд никогда не видел Сару, она представлялась ему сущей мегерой и страшнющим чучелом. Теперь же выяснилось, что он был очень далек от истины. Эта женщина пробудила в нем любопытство, и ужасно захотелось ее разговорить – хотя бы для того, чтобы услышать голос.

– Скажите-ка, а Янгера, случайно, не в «Гёустаде» держат? Если так, вот уж он обрадуется встрече с вами!

Это была одна из причин, по которым Сара отчаянно не желала соглашаться на просьбу офицера Дорна. Еще меньше ей хотелось обсуждать эту тему с кем бы то ни было.

Судмедэксперт искося поглядывал на нее, но по бесстрастным голубым глазам, устремленным на дорогу, невозможно было догадаться, занята ли она своими мыслями или просто игнорирует его. Впрочем, Тобиас Ловструд был не из тех, кто легко сдается.

– У меня еще не было случая выразить вам свое восхищение. Лихо вы расправились с этим психопатом Янгером! Просто удивительно, как вы додумались провести параллель между следами детергента, обнаруженными на телах жертв, и присутствием машины скорой помощи на месте каждого похищения. Сколько же свидетельских показаний вам пришлось перелопатить, чтобы установить, что эту машину видели за несколько минут до исчезновения женщин! Думаю, не все свидетели припомнили о ней в первую очередь.

«О, далеко не все!» – ответила бы Сара, будь у нее желание поддерживать разговор. «Скорая помощь» появилась в большинстве показаний лишь после того, как она лично опросила всех свидетелей по второму разу, а до этого ей пришлось потратить много часов, выискивая в записях и отчетах самые незначительные совпадения. Тогда-то она и заметила, что несколько человек вскользь упомянули машину медицинской службы, просто как деталь фона.

– А это ваше, так сказать, силовое вторжение к Янгеру в день ареста! – не унимался доктор Ловструд. – В полиции многие здоровенные мужики до сих пор под впечатлением от того, как вы вломились туда первой и скрутили убийцу. Похоже, в ФСК¹ вы времени даром не теряли!

– Сейчас меня больше волнует, *что* мы с вами найдем на месте происшествия.

Голос Сары впервые прозвучал в салоне внедорожника – Тобиас Ловструд даже вздрогнул от неожиданности, смутился и на некоторое время притих.

Она терпеть не могла упоминаний о своей службе в спецназе. Бойцы их подразделения имели отличную физическую подготовку, но были недостаточно хорошо оснащены для быстрого реагирования на террористические акты, и, по мнению Сары, массовый расстрел, устроенный Андерсом Брейвиком², стал тому трагическим доказательством. Их получасовое опоздание на остров Утёйя из-за проблем с моторной лодкой стоило жизни еще тридцати подросткам. Сара и многие ее соратники винили именно себя в том, что число жертв двойного теракта Брейвика достигло семидесяти семи. После этого постыдного поражения она покинула ФСК и перешла на службу в полицию в должности инспектора. Саре казалось, что дедукция и проницательность помогут ей спасти больше человеческих жизней, чем плохо организованные боевые операции.

С четырехполосного Третьего кольца внедорожник свернул на сельскую извилистую дорогу и погнал дальше среди прогнувшихся под снегом елей. Сара включила полноприводный режим и зажгла противотуманные фары. Здесь, на северной окраине, снег уже не валил

¹ ФСК (Forsvarets Spesialkommando, FSK) – норвежский спецназ, контр-террористическое спецподразделение. (Примеч. авт.)

² Брейвик Андерс Беринг (р. 1979) – норвежский националист и протестантский фанатик, устроивший взрывы в центре Осло и стрельбу в молодежном лагере Норвежской рабочей партии на острове Утёйя 22 июля 2011 г. (Здесь и далее примеч. пер.)

стеной, зато клубился густой туман. На термометре было минус три градуса, лобовое стекло обросло по контуру кристалликами инея.

Судмедэксперт с интересом озирался:

– Да уж, в такие места меня по работе еще не заносило. Наверное, дело будет из ряда вон...

Сара молча заправила за ухо рыжую прядь, прошуршав паркой. Тобиас помассировал затылок и опять умолк, увлеченный пейзажем за окном.

Они ехали по лесистой, почти необитаемой местности – лишь изредка за деревьями мелькали дачные особнячки. На развилке Сара свернула на дорогу, убегавшую в густую чашу. Фары с трудом справлялись с плотным туманом, то и дело натываясь лучами на сугробы, едва ли не достигающие крыши машины. Время от времени впереди проступали контуры деревьев, растопыривших ветви, будто костлявые пальцы, испачканные сахарной пудрой. Скрипел под колесами снег с наледью. А потом вдруг туман слегка рассеялся, и впереди возник величественный силуэт здания.

К небу возносилась готическая башня из кирпича, увенчанная металлическим куполом со стрелой колокольни; под ней, будто ночные стражи, расходились в стороны, смутно проступая в зыбкой дымке, два крыла с узкими оконцами; крыши тонули в темноте. Здание могло бы показаться заброшенным, если бы по фасаду не скользили голубые пятна света от прожекторов двух патрульных машин и фургона криминалистов.

Сара остановила внедорожник, но мотор по-прежнему глухо рокотал под капотом, из выхлопной трубы вырывались облачка пара.

– Кажется, добрались, – пробормотал доктор Ловструд, и Саре показалось, что его голос неуверенно дрогнул.

Внедорожник, снова тронувшись с места, вкатился под арку ворот из кованого железа. Мелькнула вывеска, почти засыпанная снегом: «Психиатрическая больница «Гёустанд».

Глава 2

Сара заглушила мотор. Снаружи подстерегал мороз, как свора собак, готовая растерзать добычу.

– Ну, идемте. – Тобиас Ловструд отважно покинул теплый салон и поспешил ко входу в заведение, проклиная сквозь зубы собачий холод.

Сара некоторое время посидела, вцепившись в рулевое колесо и стараясь унять бешеное сердцебиение дыхательной гимнастикой. Но упражнение возымело обратный эффект – началась паническая атака, тревога сдавила горло, будто незримый палач медленно и с удовольствием принялся душить жертву.

«Почему? Почему именно сегодня я оказалась в этом месте?..»

Набрав код на электронном замке, Сара открыла отделение для перчаток, достала оттуда наручники и засунула их в задний карман. За пистолетом НК Р30 лежали фонарик, зеленая упаковка жевательной резинки и пузырек с транквилизатором. Она ненадолго задержала взгляд на оружии, затем взяла из пузырька одну таблетку, закинула ее в рот и заперла бардачок. Подтянула повыше ворот свитера, застегнула парку до самого верха и вылезла из машины.

В нескольких метрах впереди судмедэксперт буксовал в снегу, окутанный облачками пара. Сара двинулась за ним по протоптанной дорожке; полицейские прожекторы и свет, падавший из нескольких окон, создавали стробоскопический эффект.

Вдруг с первого, неосвещенного этажа из какой-то палаты раздался дикий вопль.

– Ого! – выдохнул Ловструд, с которым Сара уже поравнялась. – Мне, конечно, каждый день приходится иметь дело с покойниками, но, честно говоря, не знаю, хватило бы у меня духу работать в психушке. Особенно в этой...

Из курса судебной психиатрии Сара помнила, что заведение «Гёустад» побило европейский рекорд по числу лоботомий. В сороковых годах этой операции подверглись здесь три сотни пациентов – тогда считалось, что состояние больных, страдающих шизофренией, эпилепсией и депрессией, можно облегчить повреждением нейронных связей на определенном участке мозга. Варварская процедура состояла в следующем: инструмент, похожий на нож для колки льда, вводили между верхним веком и глазным яблоком; когда кончик ножа упирался в кость глазной впадины, по рукоятке били хирургическим молотком, острие протыкало кость и проникало в лобную долю; далее совершались вращательные движения рукояткой для рассечения нервных волокон мозга. В большинстве случаев пациенты получали лишь местную анестезию и теряли сознание от боли или от судорог, вызванных разрывом нервных волокон. Те, кто не умер во время операции, превращались в овощи, лишённые эмоций, воображения, стремлений и желаний, но врачи, практиковавшие лоботомию, считали их исцелёнными, ведь основные симптомы – агрессивность, тоска, припадки – действительно исчезали. Душевнобольных, которые теперь уже не представляли опасности ни для себя самих, ни для общества, отправляли по домам.

Позднее Сара узнала, что американское правительство в те годы увидело в лоботомии прекрасную возможность сократить время пребывания пациентов в государственных психиатрических клиниках, а соответственно, сэкономить бюджетные средства. Так что этот способ «лечения» был одобрен на официальном уровне и широко пропагандировался.

Решив, что, чем раньше она войдет в «Гёустад», тем раньше оттуда выйдет, Сара ускорила шаг и обогнала менее проворного судмедэксперта. Под резным портиком ей показалось, будто сейчас она переступит порог церкви. Подавив нараставший в глубине души страх, Сара решительно толкнула створку двойной деревянной, украшенной изысканной резьбой двери и очутилась в вестибюле с высоким, как у собора, сводом. Напротив нее, шагах в двадцати, находилась внушительная стойка администратора из красного дерева, слева от стойки уходила

вверх винтовая лестница. В глубине вестибюля была застекленная дверь, за которой маячили люди в белых халатах. Одурающе пахло детергентом.

Девушка-администратор – совсем молоденькая, от силы лет двадцати – при виде посетителей поднялась из-за стойки. Неуместная в подобных обстоятельствах улыбка на ее губах лишь подтверждала и без того очевидное отсутствие опыта.

Каблуки тяжелых ботинок Сары простучали по черным и белым мраморным плитам пола, уложенным в шахматном порядке. Она молча протянула девушке удостоверение инспектора Национальной службы уголовного розыска.

– Здравствуйте, госпожа Геран... ой, простите, Геринген. Профессор Грунд ждет вас у себя в кабинете. – Администратор указала рукой в сторону винтовой лестницы и встала, собираясь проводить гостей, но Сара сухо проговорила:

– Пусть выйдет к нам.

– Э-э... хорошо, я позову его. – Девушка, сев на стул, набрала номер на стационарном телефонном аппарате.

Сара тем временем осмотрелась и поняла, что запах детергента и еще какой-то бытовой химии – не единственная причина ее дискомфорта. Больница как будто увязла в прошлом. Если бы не компьютерный монитор на стойке, можно было бы подумать, что на дворе конец XIX века. Ступени лестницы, тоже из красного дерева, потемнели от времени, сводчатый потолок нависал над головой церковным куполом, а шахматный пол лишь усиливал впечатление, что действие происходит в позапрошлом столетии.

Застекленные двери в глубине вестибюля опять привлекли ее внимание – за ними санитары рассаживали за столиками пациентов в светло-зеленых робах. Возможно, среди этих больных находился тот, чей душераздирающий крик она слышала, подходя к крыльцу. Кто из них? Сутулый низенький мужчина с резкими движениями и бегающим взглядом, молодой парень, неуклюжий и сонный, или та женщина лет сорока? Пациентка с ввалившимися щеками и спутанными волосами печально сидела одна в сторонке. Сара перехватила ее взгляд и не увидела в глазах ни намек на безумие – там были только одиночество и тоска.

Женщина смотрела на нее несколько секунд, затем отвернулась, а у Сары вдруг защемило веки от навернувшихся слез. В этот момент ее окликнули:

– Инспектор Геринген!

Еще одна дверь в вестибюле, металлическая, была открыта, и к Саре быстрым шагом направлялся мужчина лет сорока с рыжеватой бородкой. На нем была голубая форменная рубашка с черными погонами.

– Офицер Дорн, – представился он взволнованно. – Это я вам звонил.

Сара его сразу вспомнила – однажды этот полицейский привел в управление своих мальчишек, рыженьких близнецов, которые хотели посмотреть, где работает папа, и ей понравилось, как серьезно и толково он объяснял, чем занимаются разные сотрудники.

Она поприветствовала Дорна кивком, и тот, наслышанный о ее стиле поведения, ничуть не удивился молчанию. Помимо прочего, он знал, что инспектор Геринген не утруждает себя политесом и предпочитает сразу переходить к делу. Бросив взгляд на администратора, Дорн заговорил, понизив голос, так что судмедэксперту пришлось подойти ближе и вытянуть шею.

– В общем, так. В пять двадцать три утра поступил вызов от Аймерика Гроста, ночного надзирателя этой больницы. Он сильно нервничал, путался в словах, но в конце концов с грехом пополам сообщил, что один из пациентов только что покончил с собой. Поскольку связаться с директором заведения Гросту не удалось, он принял решение позвонить в полицию. Когда мы прибыли сюда, парень встретил нас с виноватым видом, попросил прощения за ложную тревогу и сказал, что на самом деле пациент умер от обычного инфаркта.

Сара нахмурилась:

– А что навело этого Гроста на мысль о самоубийстве пациента?

– У них тут повсюду камеры наблюдения. Парень сидел в комнате с мониторами и вдруг увидел, что один больной схватил себя за горло, задергался, а потом вдруг обмяк и больше не шевелился. Грост в панике попытался связаться с двумя дежурными санитарями – они не ответили; затем набрал номер директора – тот был недоступен. Тогда он позвонил в полицию и описал то, что произошло у него на глазах: пациент сам себя задушил.

– Санитары подтвердили? – спросила Сара.

– Не совсем. Оба выполняли свои обычные обязанности, когда услышали крики. Один делал кому-то из пациентов укол и не мог прервать процедуру, второй сразу побежал на крик, но опоздал – кричавший уже был мертв.

– А почему они не ответили на вызов Гроста? Не услышали, что ли?

– Услышали, но проигнорировали. Как я уже сказал, один был занят, а второй подумал, что пациент важнее, и помчался в палату, да все равно не успел.

– Но это же ерунда какая-то! – вмешался судмедэксперт. – Человек не может сам себя задушить. Как только он потеряет сознание, это вызовет расслабление мышц, и пальцы на шее разожмутся. Что за чушь! – Он посмотрел на Сару, будто в поисках поддержки, но она сделала Дорну знак продолжать.

– То же самое мне сказали санитары, как только мы приехали. Они пришли к выводу, что у пациента случилась паническая атака, а за ней последовал сердечный приступ. Но Грост, ночной надзиратель, работает тут совсем недавно. Он переполошился и, не спросив их мнения, позвонил нам в полной уверенности, что видел самоубийство. Вот так мы здесь и оказались.

– Однако если у пациента была, как считают санитары, паническая атака, то какая-то уж невероятно мощная, – заметил Тобиас. – Вы представляете себе, что должно происходить у человека в голове, чтобы он начал душить себя голыми руками?

Дорн посмотрел на него с некоторым раздражением, но Сара, разделявшая недоумение судмедэксперта, вопросительно уставилась на полицейского.

– Я указал на это обстоятельство санитарам, – пожал плечами тот. – Они напомнили мне, что мы находимся в психиатрической лечебнице, а следовательно, в приступах безумия у здешних постояльцев нет ничего удивительного.

Дорн неловко замолчал, а доктор Ловструд испустил тяжелый вздох, всем видом давая понять, что его зря побеспокоили посреди ночи.

– Ну да, я, наверное, тоже поторопился бить тревогу, – повинулся Дорн. – Но вообще-то, инспектор, я позвонил вам потому, что все здесь здорово нервничало и показания давали как-то неуверенно, когда мы прибыли. Я подумал, лучше будет провести расследование. И потом, не знаю... даже если сейчас их объяснения кажутся вполне логичными, мне все же не нравится, как изменилась версия событий между звонком Гроста в полицию и нашим приездом сюда. Да еще эти отметины на лбу пациента... В общем, по-моему, здесь все очень странно.

Сара тоже считала, что ситуация не вполне ясна, хоть и не видела в ней пока ничего особенно подозрительного.

– Где сейчас эта троица ночных дежурных?

– Санитаров Элиаса Лунде и Леонарда Сандвика мы сразу разделили, на случай, если вы захотите их допросить. Надзиратель Аймерик Грост тоже ждет вас в отдельной комнате. Сами увидите – он совсем молод, в «Гёустаде» работает пару недель. Криминалисты уже осматривают палату, в которой умер пациент, – как вы и велели, я их сразу вызвал. Директор больницы, кажется, только что приехал, у меня еще не было времени с ним поговорить. Прошу прощения, мне, наверное, все-таки не следовало устраивать панику по телефону...

Сара на него не сердилась – она очень даже одобряла тех, кто предпочитает сомнение слепой уверенности. Да и если хорошо подумать, лучше уж ей сейчас быть здесь, чем рыдать на груди у сестры. По крайней мере, Сара попыталась себя в этом убедить.

Она хотела попросить офицера Дорна проводить ее в палату, где находился труп, но тут на винтовой лестнице из красного дерева показался высокий мужчина в темно-сером костюме. Он энергично сбежал по ступенькам, и Сара рассмотрела его повнимательнее: худощавое удлиненное лицо, очки, элегантная седина на висках. Прямой и решительный взгляд из-под густых бровей говорил о том, что этот человек привык командовать.

– Профессор Ханс Грунд, – представился он Саре и Ловструду официальным тоном. – Я директор этого учреждения. Весьма сожалею, что вас напрасно побеспокоили, но к чести своих сотрудников должен сказать, они стремились поступить как лучше.

Директор только тут понял, что Сара и не думает вынимать руку из кармана куртки, чтобы пожать его протянутую ладонь, и несколько ступешался. Но таково было одно из ее правил – никогда не вступать в физический контакт с людьми, имеющими прямое или косвенное отношение к расследованию. Многочисленные психологические исследования доказывали, что даже легкое прикосновение к человеку может повлиять на объективное суждение о нем. Однако профессионализм профессионализмом, а распоследней невежей Сара все-таки не была, поэтому коротко кивнула профессору в знак приветствия.

Пока Грунд тянул к ней руку, она успела разглядеть его кисть и заметила, что ноготь на большом пальце обкусан до крови. Поскольку с другими пальцами все оказалось в порядке, можно было заключить, что у профессора нет привычки грызть ногти, а значит, он сделал это под влиянием сильных эмоций, вызванных сегодняшним происшествием.

– Доктор Ловструд, судмедэксперт, – разрядил обстановку Тобиас, увидев, что Ханс Грунд смущен молчанием дамы из полиции.

– Очень приятно, – кивнул тот. – Простите, что не смог оказать вам должный прием, но я весьма удручен смертью своего пациента, пусть и от естественных причин.

– Где тело? – спросила Сара.

Директор обиженно нахмурился:

– Насколько я понимаю, вы намерены действовать по протоколу до конца, раз уж вас сюда вызвали? Что ж, много времени это у вас не займет. Прошу за мной.

Он направился к металлической двери, открыл ее висевшим на шее магнитным пропуском и первым переступил порог. Сара, судмедэксперт и офицер Дорн последовали за ним по коридору. Здесь к детергенту примешивался слабый запах эфира. Не замедляя шага, Ханс Грунд на секунду обернулся к Саре:

– Полагаю, в подобных заведениях вы, как и все люди, чувствуете себя неудобно, инспектор. Помнится, в первое время на стажировке в психиатрической больнице я и сам задавался вопросом, гожусь ли для своего ремесла. Но впоследствии понял, что сомневался в себе лишь потому, что плохо понимал душевнобольных людей. Досконально изучив их патологии и механизмы мышления, я почувствовал, как неприязнь к ним уступает место искреннему участию и желанию помочь.

«Если бы ты знал, почему мне здесь на самом деле неудобно, давно бы заткнулся», – хотелось Саре сказать, но она по обыкновению не стала тратить слова попусту. От ее молчания директор окончательно пришел в замешательство.

Они шагали по коридору с натертым до блеска полом; с обеих сторон были двери палат, большинство которых пустовали. Вдруг издали донеслись возбужденные голоса – профессора Грунда это, казалось, не обеспокоило, но Саре все-таки пришлось прибавить шаг, чтобы не отстать от него. У помещения, откуда донесся шум, он остановился и попросил подождать его минутку.

Это была комната отдыха, судя по тому, что за несколькими столиками пациенты играли в карты. Человек в светло-зеленой робе отбивался от двух санитаров, которые изо всех сил старались его удержать. Он кричал, что не будет принимать пилюли – его, мол, хотят отравить, ему от этой дряни каждый раз кажется, будто он сейчас сдохнет.

Директор невозмутимо приблизился с таким видом, словно точно знал, как успокоить буяна. Сара с любопытством ждала, как он все уладит.

– Привет, Геральт, – сказал Ханс Грунд.

Человек задержался сильнее – лица санитаров уже побагровели от злости и напряжения. Директор сделал им знак отпустить пациента, и тот, суматошно заметавшись, вдруг успокоился. Отодвинув от стола два стула, Грунд усадил пациента напротив себя, после чего они принялись о чем-то шептаться, как добрые приятели. С того места, где стояла Сара, разговора не было слышно, но, к ее удивлению, через минуту Ханс Грунд и нервный Геральт уже вовсю улыбались друг другу. Директор протянул пациенту стакан с водой, и тот покорно запил лекарство. Они обменялись рукопожатиями, и Грунд вышел из комнаты отдыха.

– Труп дальше по коридору, – бросил он через плечо своим спутникам.

По дороге Дорн дал Саре электронный пропуск, позволявший открывать любые двери в заведении, и рацию с наушником: больница была огромная, быстрая связь могла упростить общение. Сара не собиралась задерживаться здесь надолго, но на всякий случай взяла и то и другое – вдруг пригодится.

Проходя мимо открытой двери палаты, она услышала рыдания – какая-то женщина причитала: «Где мой малыш?» – и словно удивлялась, не получая ответа. Саре стало не по себе, захотелось заглушить это жалобное бормотание собственным голосом.

– У покойного была сердечная недостаточность? – спросила она.

– Да, но он находился под наблюдением врачей, – отозвался профессор. – К сожалению, в его возрасте уже нельзя предотвратить неизбежное.

– Сколько ему было?

– Под восемьдесят.

Дорн их обогнал и открыл дверь в другой коридор, очень длинный, с современной отделкой – свет неоновых ламп отражался от пола, выложенного плиткой ПВХ. В конце коридора была еще одна дверь, возле нее стояли на посту двое полицейских.

– Почему этот пациент оказался здесь? – спросила Сара, которой нужно было составить впечатление о жертве до того, как она увидит труп.

– Из-за рекуррентного расстройства личности, сопровождавшегося бредом и паранойей. Но по сравнению с другими нашими пациентами он был относительно спокойным.

– Если верить вашему надзирателю, этот человек пытался себя задушить. По-моему, такое поведение необычно даже для душевнобольных, – заметила Сара.

Директор поправил узел галстука.

– Вы правы, меня это тоже озадачило. Раньше у него не случалось подобных панических приступов.

– Возможно, это побочный эффект какого-то препарата?

– Не исключено, конечно, но я так не думаю. Он принимал одни и те же лекарства много лет, и никаких противопоказаний у него не было. Мы такие вещи строго отслеживаем.

– Тогда ошибка в дозировке?

Грунд покачал головой:

– Инспектор, я в первую очередь врач и очень серьезно отношусь к медикаментозному лечению пациентов. Персонал об этом знает. С тех пор как меня назначили директором больницы, здесь ни разу не было ошибок в дозировке. Я не утверждаю, что это в принципе невозможно, но вероятность крайне мала.

За дверью очередной палаты мужской голос выводил нежную мелодию, которая вдруг закончилась грязными ругательствами – виртуозно построенная многоэтажная словесная конструкция настолько восхитила доктора Ловструда, что он вполголоса повторил высказывание пациента, одобрительно крикнув. А Сара заметила, что директор даже не улыбнулся –

наоборот, явно был раздосадован. Достав из кармана пиджака блокнот, он записал номер палаты и время.

– Возможно, санитары, дежурившие этой ночью, все-таки допустили халатность по отношению к погибшему пациенту и не решились вам в этом признаться из страха потерять работу, – предположила Сара. – Как и те, кто, наверное, забыл дать лекарство вот этому... оратору.

Директор уставился на нее с недоумением:

– Я не знаю, как складываются отношения с начальством у вас в полиции, но здесь я не строю из себя тирана. Мы одна команда, и для персонала я скорее тренер, чем судья. Когда у кого-то из сотрудников возникает проблема, он приходит ко мне за советом. Если бы Леонард и Элиас совершили ошибку, они бы честно обо всем рассказали. Нет, вполне очевидно, что пациент умер своей смертью. Я уверен, здесь нечего расследовать, но вы, разумеется, можете убедиться в этом самостоятельно.

– Последний вопрос. Сколько секторов в вашем заведении?

– Три. В секторе А содержатся больные, не представляющие угрозы ни для себя самих, ни для окружающих. Обитатели сектора В требуют более пристального внимания и не могут жить в больших группах. Сектор С отведен буйнопомешанным, хотя мне не нравится этот термин. Скажем, опасным душевнобольным. Сегодняшний инцидент произошел в секторе А, и, кстати, мы уже пришли.

Двое полицейских заслоняли дверь и расступились, только когда Сара показала им удостоверение инспектора полиции Осло.

– Проходите, инспектор Геринген, – кивнул здоровенный блондин с коротким бобриком. На бейдже, прикрепленном к офицерской куртке, значилась фамилия Нильсен.

Сара провела электронным пропуском по считывающему устройству, раздался скрежет замкового механизма, и дверь открылась. За ней в полумраке тонул еще один коридор. Неоновые лампы на потолке не горели, единственным источником света здесь было странное синеватое сияние, исходившее из палаты слева.

– Они еще с полилайтом³ не закончили, – прокомментировал судмедэксперт.

Директор устремился было за ним с Сарой, но белокрысый гигант заступил ему дорогу:

– Прошу прощения, это охраняемое место происшествия. Замок снова проскрежетал, на этот раз у Сары за спиной.

Из палаты, заполненной синим светом, появилась белоснежная мумия, положила на больничную каталку пластиковую пробирку, прилепила к ней этикетку и вернулась обратно. Сара подошла к каталке – помимо пробирок, там обнаружились чистые перчатки и бахилы. Пока Ловструд доставал из чемоданчика стерильный комбинезон с капюшоном и облачался в него, Сара быстро экипировалась и нырнула в палату – в свете полилайта казалось, будто она погрузилась в аквариум. Двое криминалистов, в таких же белых комбинезонах, как у судмедэксперта, были заняты работой в лазурном полумраке. Один, опустившись на корточки рядом с кроватью, ухватил что-то с пола пинцетом и положил в пробирку. У второго, в очках с оранжевыми стеклами, на плече висело устройство, похожее на маленький радиатор, и он методично обводил стены, пол и потолок синеватым лучом, исходящим из трубки, прикрепленной к корпусу этого аппарата.

На полу желтые таблички с номерами обозначали местоположение вещественных доказательств. Одна из них стояла рядом с человеком, неподвижно сидящим на полу у изножья придвинутой к стене кровати. Черты его лица невозможно было рассмотреть в синем полумраке.

³ Полилайт – осветительный прибор, применяемый криминалистами для поиска вещественных доказательств: отпечатков пальцев, биологических жидкостей, пороховых следов и т. д.

Сара приблизилась. Помещение представляло собой куб. Кровать была привинчена к левой стене, у противоположной находились унитаз и раковина; других предметов обстановки здесь не было.

– Я закончила, – сообщила женским голосом мумия, державшая полилайт, погасила синий луч и протянула руку к электрическому переходнику. – Внимание, включаю!

Свет четырех полицейских портативных прожекторов, расставленных в углах, залил палату, и Сара наконец разглядела мертвеца – босого, в светло-зеленой больничной одежде.

Он сидел лицом к ней, прислонившись спиной к кровати и вытянув ноги в сторону выхода. Голова свесилась набок, морщинистая кожа посерела. Вытаращенные глаза смотрели в пространство, будто увидели там что-то чудовищное; разинутый рот застыл в беззвучном крике, обнажились в оскале гнилые зубы, был виден язык, уже распухший. Сальные жидкие прядки волос прилипли ко лбу.

Сара несколько секунд рассматривала эту жуткую картину в целом, затем наклонилась, чтобы изучить синяки на одутловатой шее – это определенно были отпечатки пальцев, сдавливавших горло. Старик, похоже, не притворялся, когда себя душил.

В палату вошел облаченный в комбинезон Тобиас Ловструд:

– Ну-с, что у нас тут, госпожа инспектор?

Сара затянутым в перчатку указательным пальцем отвела со лба мертвеца пряди волос – и поняла, что имел в виду офицер Дорн, когда говорил о «странных отметинах».

На обескровленном лбу были три шрама длиной в полпальца. Они почти сливались по цвету с кожей – различить очертания удалось лишь по белой каемке и легкой неровности. Шрамы, расположенные в ряд, образовывали число 488.

Глава 3

Судмедэксперт присел рядом с покойником на корточки и провел пальцем в перчатке по трем цифрам.

– Это очень старые рубцы, и нанесены они, похоже, не из любви к искусству скарификации. Сомневаюсь, что этот человек по своей воле попросил вырезать число у него на лбу. – Доктор Ловструд посветил фонариком труп в глаза и в уши. – На глазных яблоках лопнули несколько капиллярных сосудов из-за компрессии верхних дыхательных путей, но слишком мало для смерти от удушья. В ушах нет крови, лицо не побагровело... – Он пощупал шею над кадыком. – Похоже, и подъязычная кость не сломана. Смерть от удушения с большой вероятностью можно исключить. – Затем он внимательно осмотрел конечности и сосредоточенно проговорил: – Пока не вижу никаких ран и следов ударов, ничего, кроме вот этих кровоподтеков на сгибе левой руки, но сюда ему кололи препараты, так что появление синяков вполне естественно... На данный момент это все, что я могу сказать.

– А причина смерти? – осмелилась спросить Сара.

– Могу перечислить десяток, вплоть до пищевого отравления. С точностью отвечу только после токсикологической экспертизы и исследования внутренних органов. Раз уж вы почему-то заинтересовались этим делом.

– Обменяйтесь сведениями с криминалистами и убедитесь, пожалуйста, что отпечатки пальцев на шее принадлежат жертве. После этого можете отвезти тело в лабораторию. И сообщите мне о результатах вскрытия.

Тобиас с некоторым удивлением качнул головой:

– А вы молодец. Подумали, что его мог душить и кто-то другой. – Он одобрительно хмыкнул. – Мало кто из ваших коллег проявил бы внимание к таким деталям.

Сара пропустила комплимент мимо ушей. В ожидании информации от экспертов она собиралась расспросить директора больницы о шрамах на лбу у пациента, а перед тем как выйти из палаты, окинула ее последним взглядом, чтобы лучше запомнить место происшествия.

Один из криминалистов, стоя у каталки, перебирал пластиковые пакеты с уликами.

– Вы сняли отпечатки пальцев с шеи жертвы? – спросила Сара.

– Конечно, дактилоскопические пленки здесь. – Эксперт указал на плексигласовую коробку с этикеткой «Жертва». – Папиллярный рисунок проступает довольно четко.

Сара повернулась ко входу в палату, чтобы передать информацию судмедэксперту, но тот уже успел к ним присоединиться:

– Я слышал, инспектор. Тут есть все, что мне нужно.

Сара, сняв перчатки, бросила их в желтый контейнер со значком биологической опасности, туда же отправила бахилы и решила еще разок заглянуть в палату, где сидел мертвый пациент. Что-то ее тревожило, но она никак не могла понять, что именно.

Стоя на пороге, она обвела глазами убогое помещение – кровать, унитаз, раковина... и вдруг до нее дошло. В палате не было ни полотенца, ни умывальных принадлежностей, а на кровати отсутствовало покрывало. Как будто здесь никто и не жил.

Директор Грунд ждал за дверью коридора. Увидев Сару, он нервно поправил очки и развел руками, будто говорил: ну, убедились, что расследовать нечего?

– Где вещи жертвы? – спросила Сара.

– Какие вещи?

– Не знаю – полотенце, покрывало, сменная одежда, зубная щетка, мыло...

– Вынужден вам напомнить, инспектор, что это не обычная больница, – сурово взглянул на нее поверх очков профессор. – Нам приходится ограждать пациентов от любых возможностей совершить самоубийство. Мне это казалось само собой разумеющимся.

– Сектор А предназначен для пациентов, которые не представляют опасности ни для себя, ни для окружающих. Вы сами так сказали десять минут назад.

Ханс Грунд схватился за узел галстука и повел шеей. Его губы на секунду скривились в гримасе, но Сара не поняла, что это было – неловкость лжеца, пойманного на слове, или раздражение начальника, чье время попусту тратит дотошная сотрудница полиции.

– Верно, я так сказал. Но у нас тут не завод по конвейерному производству здоровых людей из психически больных. Вступив в должность директора «Гёустада», я считал своим долгом ввести гибкую систему правил, подходящих к каждому конкретному случаю, и сделал это с единственной целью, которой является благо моих пациентов. Четыре-Восемь-Восемь, как его здесь называли, нужна была спокойная, умиротворяющая обстановка, такая, как в секторе А, где больные не агрессивны. Однако порой у него обострялись суицидальные наклонности, и это нельзя было игнорировать. Так что в случае с ним я пошел на компромисс: сектор А, но палата как в секторе В.

Ханс Грунд, вопреки ожиданиям Сары, говорил настолько невозмутимо и уверенно, что его речь казалась вполне убедительной. К тому же Сара видела, как он утихомирил упряма, не желавшего пить лекарство, и должна была признать, что, судя по всему, профессор искренне заботится о своих пациентах. Однако оставалось еще немало тревоживших ее вопросов.

– Вы упомянули прозвище пациента – Четыре-Восемь-Восемь. А как его звали на самом деле?

Грунд поморщился и смущенно потер подбородок.

– Гм... Вообще-то понятия не имею.

Видимо, у Сары на лице отразилось удивление, потому что профессор поспешил добавить:

– Понимаю, это действительно странно, но я объясню вам, в чем дело. Только не здесь, пожалуйста. Идемте в мой кабинет.

Они пошли обратно теми же коридорами.

– Видеокамеры установлены во всех палатах? – спросила Сара.

– Да, но запись мы не ведем из этических соображений. Уважаем частную жизнь пациентов, даже самых опасных.

– Почему сегодня ночью надзиратель не сумел до вас дозвониться?

– Я был в самолете. Возвращался с конференции по психиатрии, которая проходила в Соединенных Штатах. Так что не обессудьте – из-за смены часовых поясов пока еще плохо соображаю.

Они миновали узкий проход с застекленными дверями, ведущими во внутренний двор, и поднялись по винтовой лестнице на второй этаж. Теперь Саре почудилось, будто она и правда попала в XIX век, преодолев временной барьер, – вперед уходил коридор с потемневшим от времени деревянным паркетом, белеными известью стенами и высоким сводчатым потолком, с которого свисали люстры из кованого железа с плафонами в форме тюльпанов.

Директор открыл одну из многочисленных дверей в этом коридоре из другой эпохи и сделал приглашающий жест:

– Прошу вас.

Переступив порог, Сара постаралась сдержать возглас изумления.

Первым сравнением, пришедшим в голову, была королевская часовня. Напротив входа, в глубине кабинета, возвышался монументальный рабочий стол, достойный называться алтарем. За ним поблескивало узкое окно, обрамленное портьерами, которые прекрасно справились бы

с ролью занавеса на сцене какого-нибудь театра. Над окном висело деревянное распятие, а дальше взгляд возносился к высокому потолку с крестообразными балками.

У левой стены, в алькове, устроенном между огромными книжными шкафами, стоял на дискосе серебряный потир⁴. Почетное место на правой стене было отведено картине, на которой сразу привлекал к себе внимание центральный персонаж – мертвенно-бледный голый человек был изображен спиной к зрителю; стоя в лодке, он погружал багор в темные воды реки. По сторонам от кормчего сидели две зловещие фигуры в длинных одеждах и с лицами, скрытыми в тени капюшонов.

Обстановку дополнял шкаф из мореного дерева с дверцами, покрытыми затейливой резьбой; с того места, где стояла Сара, сюжет рельефов было не разглядеть.

В кабинете слабо пахло сигарами. Дымчато-снежный рассвет мешался с тусклым сиянием лампы под зеленым абажуром, стоявшей на рабочем столе. Директор зашагал к нему по мягкому ковру, расшитому мифологическими сюжетами. Он сосредоточенно смотрел себе под ноги, будто обдумывал речь.

– Вы верующая, госпожа инспектор?

«Ничего себе вопрос», – подумала Сара. Она пришла сюда не ради теологических дискуссий, однако боялась спугнуть профессора Грунда – пока он расположен к беседе, нужно ее поддерживать, чтобы выудить что-нибудь полезное, – поэтому решила ответить, но с привычной краткостью:

– Я думаю, опасно выбирать веру в ущерб стремлению к свободе.

Директор, только что усевшийся за стол и рассеянno вертевший в руках плексигласовый куб для фотографий, с удивлением вскинул голову:

– Должно быть, вы много читали и думали на эту тему, чтобы сформулировать такой емкий ответ.

– Разумеется. Но сейчас я бы с удовольствием почитала досье мертвого пациента.

– Да-да, конечно. Простите, я не зря упомянул про смену часовых поясов – голова совсем не работает... И должен вам признаться, эта внезапная смерть потрясла меня сильнее, чем кажется, но перед сотрудниками нужно было сохранять лицо.

Ханс Грунд поднялся и открыл резной шкаф. Теперь Саре удалось рассмотреть рельеф: с дверцы злобно гримасничали демоны и огорченно хмурились ангелы вперемежку. Директор достал с полки тонкую картонную папку и протянул ее Саре.

Не дожидаясь приглашения, она села в кресло около стола и, заправив рыжую прядь за ухо, склонилась над досье пациента 488.

В папке оказался всего десяток листов – отчеты о различных курсах лечения, направленных на снижение агрессивности, несколько примечаний о его необычной молчаливости и никаких упоминаний ни о личности пациента, ни о причине его помещения в психиатрическую больницу «Гёустад».

– Почему так мало записей? – спросила Сара.

Директор отвел глаза и откашлялся.

– Послушайте, буду с вами честен. Я не знаю, кто он, и никто о нем здесь ничего не знает. Поэтому личное дело такое тонкое.

– Но вы обещали все объяснить.

– Этот человек поступил в «Гёустад» тридцать шесть лет назад с полной ретроградной амнезией, сопровождавшейся параноидальным бредом. Его привезла полиция, как мне сказали, – он был задержан за агрессивное поведение на улице. При нем не было документов, и он не мог назвать своего имени.

Сара села поудобнее.

⁴ Дискос и потир – христианские литургические сосуды, блюдо на подставке и чаша на высокой ножке.

– Значит, за тридцать шесть лет ни о нем самом, ни о том, что с ним случилось, так ничего и не выяснилось?

Ханс Грунд покачал головой.

– И никто его не искал?

– Никто. Полиция довольно долго пыталась установить его личность по спискам пропавших без вести за несколько лет, но тщетно. Мы тоже разыскивали родственников или знакомых – никто не откликнулся. В общем, поскольку этот человек мог быть опасен для себя и окружающих, его оставили здесь. Вот такая печальная история – пришел один, без памяти, и умер в одиночестве, никто о нем не вспомнит.

– Откуда взялись шрамы у него на лбу? Вам они не кажутся странными?

– Я не сомневался, что вы об этом спросите. Шрамы уже были, когда его привезли. Но ни моему предшественнику на посту директора, ни мне так и не удалось узнать, что означают цифры. Пациент никогда не говорил, как они появились.

Сара могла бы удовлетвориться этими ответами, поехать в Главное управление полиции, дождаться отчета от судмедэксперта и закрыть дело с вердиктом «естественная смерть одинокого безымянного больного с амнезией». В конце концов, она здесь не для того, чтобы копаться в биографии жертвы и расшифровывать значение старых шрамов; ей всего лишь нужно выяснить, что произошло в палате – самоубийство, убийство или безвременная кончина от инфаркта. Однако просто необходимо было устроить директору хорошую встряску. Все, что он говорил, звучало вполне правдоподобно, вот только Саре хотелось выманить его из зоны комфорта – ей казалось, профессор Грунд чувствует себя слишком вольготно и со своего директорского поста видит в ней рядового сотрудника, от которого надо поскорее отделаться.

– Почему вы обгрызли ноготь до крови?

В глазах профессора мелькнула растерянность – Сара это заметила, хотя он сразу заморгал, сделав вид, будто у него болят глаза от быстро меняющегося освещения.

– Эта история может получить неприятные последствия, инспектор. Вам, так же как и мне, прекрасно известно, что долгие годы о «Гёустаде» ходила дурная слава. Одна из моих задач – создать больнице достойную репутацию, продолжив дело своего предшественника. А сегодня, выйдя из самолета, я узнал, что к нам приехала полиция, и с ужасом подумал, что инцидент наверняка будет предан огласке. Несколько броских заголовков в газетах – и все наши усилия пойдут прахом. – Он взглянул на обкусанный ноготь и пожал плечами. – Согласен, для директора психиатрической клиники это не лучший способ справиться с переживаниями, но все мы люди, в конце концов. У каждого свои слабости, верно?

Сара не знала, как отнестись к такому ответу, но продолжать разговор на эту тему уже не было сил. Так или иначе, придется ехать в управление, писать рапорт, а потом остаться наедине с собой и со своей собственной драмой. При мысли об Эрике она почувствовала, что сейчас опять начнется паническая атака, и уже собиралась распрощаться с директором, но в этот момент в наушнике прозвучал голос Тобиаса Ловструда:

– Инспектор Геринген!

– Слушаю вас.

Судмедэксперт говорил быстро и озабоченно, и сразу стало ясно почему. Выслушав его, Сара тоже занервничала.

– Поняла, сейчас спущусь.

Достав из заднего кармана рацию, она связалась с офицером Нильсеном и попросила его подойти к кабинету директора.

– Какие-то проблемы? – встревожился Грунд.

Сара, не удостоив его ответом, вышла в коридор дожидаться полицейского. Через минуту светловолосый гигант уже был на месте, и, приказав ему глаз не спускать с профессора до новых указаний, она поспешила на первый этаж.

* * *

Когда Сара в бахилах и перчатках снова вошла в палату, Тобиас и двое криминалистов уже уложили труп на каталку и собирались застегнуть патологоанатомический чехол.

– Надеюсь, вы не ошиблись, – сказала Сара.

Судмедэксперт поблагодарил криминалистов за помощь, и те разошлись паковать свое оборудование.

– Я делаю выводы, только когда не сомневаюсь в предпосылках, инспектор. Мне самому не верится, но таковы факты: тело жертвы сюда перенесли.

Сара машинально взглянула туда, где недавно сидел мертвый старик.

– Почему вы так думаете?

– Потому что расслабление сфинктера мочевого пузыря *post mortem*⁵ произошло в другом месте. Можете сами убедиться: штаны жертвы пропитаны мочой, но ни на полу под ним, ни где-либо еще в этой палате следов мочи не обнаружено. А судя по пятну на штанах, лужа должна была натечь приличная. Старик умер не здесь. Его сюда принесли через несколько минут после смерти.

Сара выхватила из кармана парки рацию.

– На связи инспектор Геринген. Всем офицерам полиции приказ никого не выпускать из больницы и никого не впускать. Офицер Дорн, вызовите подмогу, надо усилить охрану места преступления. Офицер Нильсен, оставайтесь с директором, не отходите от него ни на шаг.

В наушнике затрещало, и раздались голоса:

– Офицер Дорн. Вас понял.

– Офицер Нильсен. Вас понял.

– Офицер Сольберг. Принято.

Сара снова взглянула на судмедэксперта:

– Вы проверили следы удушения? Это пальцы жертвы, как и утверждает надзиратель?

Тобиас приподнял подбородок мертвеца, чтобы лучше была видна шея.

– Вот эти отметины – от мизинца и указательного пальца правой руки. Если бы его душил кто-то другой, синяки были бы расположены иначе. Он действительно...

– Пытался сам себя задушить голыми руками, – подхватила Сара. – Но кто-то мог убить старика, а потом инсценировать суицид, прижав его руки к шее, чтобы остались отпечатки.

– Замысловато, но возможно. Однако доказать это вряд ли удастся – криминалисты скажи, на теле пациента нет никаких следов, кроме этих. Ни на руках, ни на шее. Так что версия весьма маловероятная.

У Сары в голове закружились вопросы. Прежде всего требовалось ответить на главный: если тело жертвы переместили, значит, хотели что-то скрыть, но зачем тогда было вызывать полицию? Она вспомнила слова Дорна о том, что санитары и надзиратель пребывали в смятении, когда приехал патруль. Все трое сустились и мямлили, как будто... Внезапно она поняла: надзиратель поднял тревогу по глупости. Он не должен был этого делать, потому что другие сотрудники больницы собирались скрыть смерть пациента. Вот почему показания Гроста изменились к моменту приезда офицера Дорна.

Но где же старик умер?

– План действий меняется, – сказала Сара судмедэксперту. – Чтобы сэкономить время, сделайте все приготовления для токсикологического анализа прямо здесь, пока мы ждем машину для перевозки, а как только тело окажется в лаборатории, приступайте к вскрытию,

⁵ После смерти (*лат.*).

я даю разрешение. Результаты нужны как можно скорее. И не забудьте заняться шрамами на лбу – постарайтесь узнать о них побольше.

– Постараюсь.

Сара снова включила рацию.

– Офицер Дорн, где сейчас находятся двое санитаров и ночной надзиратель?

– В старом секторе В. Выйдите из сектора А, и направо.

– А директора вы не арестуете? – поинтересовался Тобиас.

На подобные вопросы Сара никогда не отвечала, но судмедэксперт был ей симпатичен.

– Во-первых, я не уверена, что Ханс Грунд в курсе этой инсценировки. А во-вторых, он очень умен и, если все же замешан в убийстве, едва ли быстро расколется. Слабое звено нужно искать среди его сотрудников.

Сара вышла из палаты. На обратном пути по коридору она ускорила шаг и неожиданно заметила, что температура воздуха повысилась, как будто в больнице все отопительные приборы включили на максимум. Пришлось снять парку и подвернуть высокий ворот свитера. У выхода из сектора А уже трудно было дышать, она махнула электронным пропуском по считывающему устройству, шагнула в открывшийся проем и чуть не столкнулась с офицером Дорном, отпрянув в последний момент.

– Инспектор, вы хорошо себя чувствуете? – озабоченно нахмурился он.

Не похоже было, что ему жарко, значит, тревожное состояние, которое она пыталась подавить психическими средствами, проявилось физически – ее бросило в жар не от причуд отопления. Сара с сомнением подумала, уж не переоценила ли она себя, взявшись за расследование сразу после того, что случилось между ней и Эриком. Чтобы скрыть смятение, она отвернулась, заправляя за уши непокорные волосы.

– Где свидетели?

– Каждый из троих в отдельной палате дальше по тому коридору. Офицер Сольберг их сторожит.

Сара свернула в указанном Дорном направлении.

Стены в старом секторе В были выкрашены в противный грязно-зеленый цвет, местами краска облупилась, на полу лежали клубы пыли, отчетливо пахло плесенью. Офицер полиции Сольберг оказался совсем молоденьким; он стоял посреди коридора с грозным видом, заложив руки за спину.

– Кто где? – лаконично спросила Сара.

– Санитар Элиас Лунде в первой комнате. Леонард Сандвик во второй. Аймерик Грост, ночной надзиратель, в третьей, – отрапортовал Сольберг.

Один из этих троих, а скорее все трое были замешаны в перемещении трупа. Зачем им это понадобилось? Хотели скрыть медицинскую ошибку, как Сара уже сказала директору, и действовали по своей инициативе? Или выполняли распоряжение Ханса Грунда? С какой целью?

Поблагодарив офицера Сольберга, она быстро проанализировала ситуацию. Несомненно, слабым звеном в этой троице должен оказаться ночной надзиратель. Старшие товарищи ему, конечно же, объяснили, что он совершил большую ошибку, преждевременно позвонив в полицию, и наскоро сочинили байку для протокола. Сейчас он наверняка уже взвинчен до предела и лихорадочно пытается увязать то, что наболтал по телефону, с тем, что ему велели говорить прибывшим полицейским, в более или менее логичный рассказ. Вероятность того, что парень расколется, очень высока.

Сара без стука вошла в третью комнату. Молодой человек лет двадцати пяти с короткими кудрявыми волосами сидел за пластмассовым столиком, обхватив руками голову. Неожиданное вторжение заставило его вздрогнуть; на Сару уставились настороженные круглые глаза.

– Имя, фамилия, возраст? – отрывисто произнесла она, усевшись напротив на ржавый металлический стул и рассматривая юное, еще не совсем оформившееся лицо.

– Э-э... Аймерик Грост, двадцать шесть лет.

– Я вас слушаю.

– Ладно... А с чего начать?

Сара пожала плечами.

– Ну, это... – заговорил Аймерик, – в общем, сегодня ночью на экране видеонаблюдения я заметил, что происходит какая-то ерунда – один пациент, тот, который умер, вцепился себе в горло обеими руками и орет. Ну, то есть крика не слышно было, но рот разинут. А потом он так разинутым и остался. Я подумал – трындец старику. Позвонил санитарам – они не ответили. Набрал директора, а он недоступен. Тогда... ну, я слегка запаниковал и решил следовать инструкциям, как нас на курсах учили. Позвонил в полицию и сказал, что видел, как у нас один пациент наложил на себя руки. Ну, он ведь держался руками за шею, понимаете? – Парень замолчал, ожидая реакции инспектора, но не дождался и, гулко сглотнув, подытожил: – Вот.

Пауза затягивалась. Аймерик поерзал на стуле, который в ответ противно заскрежетал.

– Господин Грост, я настоятельно советую вам сказать правду. Мы имеем дело с тем, что все больше и больше походит на замаскированное убийство, поэтому должна вас предупредить: если вы к этому причастны и если выяснится, что вы солгали полиции, самые лучшие годы жизни вам придется провести в тюрьме.

– Я... я рассказал все как было! Честное слово, ничего не выдумал!

– Как отнесся директор к тому, что вы позвонили в полицию?

– Он сказал, я правильно поступил, хотя, по его мнению, толку от этого никакого, потому что у пациента был обычный инфаркт.

– Вас угрозами заставили солгать мне?

– Что?! Я не лгу, клянусь вам! Почему вы так говорите? – Парень вскочил из-за стола, изображая праведный гнев. – Я честно рассказал, что видел! И я не идиот! Вы хотите, чтобы я в чем-то признался, но я ничего плохого не сделал!

– Ладно, ладно, Аймерик. Вы правы, извините меня. Постараюсь вас больше не злить, – улыбнулась Сара, довольная, что довела уровень нервозности свидетеля до нужного градуса.

Молодой надзиратель перевел дух и плюхнулся на стул в полной уверенности, что худшее уже позади.

– Буду с вами откровенна, Аймерик, – продолжила Сара доверительным тоном, – я подозреваю во лжи вовсе не вас, а санитаров Элиаса Лунде и Леонарда Сандвика. Мне кажется, они вас обманули... и полицию тоже.

– Ну, тут уж я не знаю. Не могу вам сказать.

– Конечно... А вы не замечали в их поведении ничего странного? Вы же сидите в комнате с экранами видеонаблюдения и знаете обо всем, что происходит по ночам в больнице. Может, вам на глаза попадалось что-то такое...

– Я тут недавно работаю, а эти санитары не всегда дежурят ночью. Но вообще я ничего подозрительного не видел.

– А с пациентом, который умер, вы были знакомы?

– Нет... Знаю только, что его тут называют Четыре-Восемь-Восемь из-за шрамов на лбу.

– И вы никогда не заходили в палаты к больным?

– Только не к тем, кого держат в секторе С, туда соваться опасно.

«В секторе С». Сара затаила дыхание. Профессионального опыта ей хватило, чтобы не выдать свою реакцию на только что услышанное от Аймерика. Сам он, похоже, пока не заметил своей ошибки.

– А что, в секторе С пациенты такие уж буйные, несмотря на лечение?

– Ну, так про них говорят.

– А сколько их там, в секторе С?

– Их... – Аймерик Грост вдруг осекся и, смертельно побледнев, уставился на Сару. В глазах парня был страх. Он понял, что проговорился: предполагалось, что пациент 488 умер в палате сектора А. За страхом последовала паника. Аймерик вскочил, бросился к двери, но она оказалась запертой.

Сара, поднявшись, молча подошла к нему.

– Клянусь, я ничего не сделал, – забормотал молодой надзиратель. – Это они велели мне соврать. Но я не знаю, что там произошло на самом деле! Ничего не знаю!

Сара достала из заднего кармана наручники и надела их парню на запястья.

– Весьма сожалею, Аймерик. Офицер Сольберг!

Надзиратель разрыдался. Сара, передавая его из рук в руки вошедшему полицейскому, сказала:

– Назовите мне номер палаты пациента Четыре-Восемь-Восемь в секторе С.

– Я... я не знаю...

– Аймерик, поздно юлить. Так или иначе вы пойдете под суд. Вопрос только в том, насколько суровым будет приговор. Чем больше вы мне сейчас расскажете, тем лучше для вас.

– Кажется... кажется, старик был в палате С32, недалеко от Янгера. Но он мог умереть из-за того, что с ним делали в другом месте.

– В смысле?

– За ними с Янгером приходили каждую ночь. Они кричали, что не хотят никуда идти, но их утаскивали силой. Может, старику стало плохо там, куда их отводили. Только вот я не в курсе, на том этаже нет камер.

– Кто приходил за Янгером и стариком?

– Не знаю, я должен был выключать видеонаблюдение в секторе С в определенное время. Пожалуйста, поверьте, я больше совсем ничего не знаю! Вы скажете судье, что я сотрудничал со следствием?

Сара коротко кивнула в ответ и обратилась к Сольбергу:

– Отвезите господина Гроста в Главное управление и заключите под стражу. Я потом его еще раз допрошу.

Она стремительно вышла из комнаты, на ходу вызвав по рации офицера Нильсена и приказав ему вместе с директором прийти к сектору С. Затем туда же отправила криминалистов, попросив снова распаковать оборудование.

Закончив отдавать распоряжения, Сара почувствовала, что совсем выбилась из сил, и на несколько секунд прислонилась к стене коридора. Ее вдруг охватила слабость, ноги отказывались идти дальше. Она попыталась собраться с духом: «Нельзя впадать в истерику... Только не сейчас!»

Глава 4

Сара подошла к бронированной двери сектора С. Двое криминалистов уже были на месте, и теперь ей удалось рассмотреть их лучше – оба были в комбинезонах с откинутыми капюшонами, медицинские маски болтались на шее. Худой брюнет с очень строгим видом стоял рядом с женщиной лет тридцати, которая пристально смотрела на инспектора. Неужели заметила, как у нее трясутся руки, до того как Сара успела засунуть их в карманы джинсов?

Пока они ждали офицера Нильсена и директора, у Сары пискнул мобильный – пришло сообщение.

«Привет, сестрица. Ты не забыла, что у Мойры сегодня пятый день рождения? Ждем вас к семи часам. Я тебя люблю. До вечера!
Р. S. В аттаче фотка, которую я недавно нашла. На ней тебе тоже пять лет!»

В надежде, что это поможет справиться с дурнотой, она увеличила прикрепленный к тексту снимок. На экране появились мордашки двух рыженьких девочек в веселом свете пяти свечей на торте. Прижавшись щека к щеке, девочки собирались задуть огоньки, но не выдержали и прыснули от смеха и теперь хохотали, показывая молочные зубы.

Сара тут же пожалела о том, что открыла снимок, – паническая атака накатывала мощной волной, и уже не было ни энергии, ни времени справиться с ней.

– Ваши дочки? – спросила криминалист.

Ее голос прозвучал словно сквозь вату. Сара почувствовала покалывание в кончиках пальцев рук и ног, все вокруг показалось вдруг чуждым, незнакомым, ее охватило парализующее ощущение катастрофы, страшного поражения, в которое превратилась взрослая жизнь, столь далекая от детских мечтаний.

В горло как будто воткнули металлический прут, перекрывший дыхание. Высоко держа голову, Сара ринулась к тому коридору, из которого вышла, – в суматохе истерических мыслей она вспомнила, что проходила там мимо туалета. Опасение грохнуться в обморок под ошеломленными взглядами криминалистов и вот-вот подрастающих Нильсена с директором придало ей сил. Но дверь коридора, в который она хотела вернуться, в этот момент открылась, и в проеме возникла высокая фигура профессора Грунда; за ним маячили широкие плечи полицейского.

– Может, вы наконец объясните, что происходит? – раздраженно спросил Грунд.

Не обратив на него внимания, Сара промчалась мимо, отыскала дверь туалета, бросилась в первую же кабинку, захлопнула створку и, дернув задвижку, опустилась на крышку унитаза. Плотнo сжав губы и размеренно дыша через нос, попыталась унять сердцебиение, но грудь рывалась от боли. В ушах громыхали крики Эрика: «Все кончено, Сара! Мы сами все испортили! Наш брак превратился в чертов проект по зачатию ребенка!» Так муж оправдывался за измену и за то, что решил ее бросить.

Да, возможно, она слишком хотела ребенка и забыла обо всем остальном. Она так яростно сражалась со своим телом и укрепляла дух, чтобы не дрогнуть в этом испытании, что для Эрика у нее уже ничего не оставалось. Но она всегда готова была его выслушать и попытаться понять. Всегда. Так почему же он не поделился с ней собственными переживаниями до того, как сделалось слишком поздно?

В глубине души Сара знала ответ на этот вопрос, и боль стала еще острее. Не поделился просто потому, что не видел необходимости.

– Инспектор, у вас все хорошо? – донесся из коридора зычный голос офицера Нильсена.

Сара перепугалась, что ее застанут в таком психологическом раздразе, и от страха в голове слегка прояснилось. В хаосе эмоций мелькнула разумная мысль: работа – последнее, что ей еще дорого в жизни, остается лишь ухватиться за нее, как потерпевший кораблекрушение мореход хватается за обломок мачты.

– У вас точно все в порядке? – не отставал полицейский.

– Не отходите от директора!

– Слушаюсь!

Через три минуты Сара, опустошенная, но внешне невозмутимая, вернулась к бронированной двери. Криминалисты, офицер Нильсен и директор дружно уставились на нее. Она не дала им времени на расспросы.

– Профессор, кто находится в секторе С?

– В секторе С?..

По обыкновению Сара не стала повторять то, что собеседник и так прекрасно слышал. Она молча ждала ответа.

– Я, кажется, уже говорил, что там мы содержим пациентов, которые считаются опасными для общества. Сейчас в этом секторе только один человек, и вы с ним знакомы лучше, чем я. Его зовут Эрнест Янгер. Он еще спит, ему назначен очень... интенсивный курс лечения.

– Номер его палаты?

– С27. Вы что, хотите осмотреть сектор С? Зачем? Вы разбудите пациента, а его не так-то просто утихомирить, знаете ли!

Сара провела электронным пропуском по считывающему устройству. Над дверью зажглась зеленая лампочка, раздался металлический щелчок, и бронированная створка открылась.

– Вы пойдете со мной, – бросила Сара директору.

Она вошла в коридор сектора С первой; Грунд, качнув головой, двинулся следом, за ним – Нильсен, не спускавший глаз с директора, и криминалисты.

Коридор без окон, выстеленный резиновым линолеумом, слабо освещали неоновые лампы. Сара насчитала шесть палат, больше похожих на камеры; на каждой двери стояла буква «С», сопровождавшаяся цифрами. В углу потолка над входом в коридор торчала камера видеонаблюдения.

У двери с табличкой «С27» Сара остановилась и подняла задвижку смотрового глазка.

Помещение было меньше, чем палаты в секторе А, и в нем, как и в коридоре, не было окон. Голая лампочка под потолком бросала резкий, холодный свет на умывальник, унитаз, стол, стул и привинченную к правой стене койку. На койке, уткнувшись лбом в стену, лежал худой светловолосый мужчина. При воспоминании о том, на какие зверства способен этот хрупкий, изящный человек, Сара поежилась.

– Любуетесь старым знакомцем? – шепнул у нее за спиной директор.

Сара резко опустила задвижку и пошла дальше по коридору.

– Здесь больше никого нет, – бросил ей в спину Грунд. – Как я уже говорил, Янгер – единственный пациент в этом секторе.

Сара шагала вперед, не оборачиваясь.

– Откройте эту дверь, – указала она на камеру с табличкой «С32».

Директор схватился за узел галстука, и на этот раз было ясно, что он пытается скрыть волнение. Кроме того, властное лицо заметно побледнело.

– Зачем? Там пусто.

Сара, вместо ответа, посмотрела на часы.

Грунд, нервно облизнув губы, достал из кармана связку ключей, вставил один из них в замок и два раза повернул, после чего со вздохом толкнул дверную створку.

Внутри было темно. Попросив у криминалистов еще пару перчаток и бахилы, Сара шелкнула выключателем, который обнаружился слева от входа в палату-камеру, и ошеломленно замерла.

Каждый квадратный сантиметр выбеленных стен был покрыт граффити: крошечные черные символы неопределенных очертаний сталкивались, налезали друг на друга, водили хороводы в головокружительном графическом хаосе. Как будто палату наводнили полчища неведомых паразитов и застыли на стенах, готовые к бою.

Сара затынутым в перчатку пальцем провела по стене, вглядываясь в замысловатый узор и пытаясь различить в нем какие-нибудь привычные формы, но видела лишь нагромождение пятен и загогулин.

– Мне нужны фотографии всей разрисованной поверхности стен. – Она посмотрела на пол. – И поищите здесь следы мочи.

Криминалисты, надев капюшоны и маски, вошли в палату и занялись делом.

– Что означают эти рисунки? – спросила Сара директора.

– Понятия не имею. Их автор – пациент, когда-то занимавший эту палату. Его тут давно нет.

Саре даже не нужно было оборачиваться, чтобы почувствовать, как он занервничал.

– Почему вы же вы не покрасили стены?

– Когда-нибудь этим займемся. Как я уже сказал, почти весь сектор С пустует, а у меня не хватает персонала, чтобы навести тут порядок. У нас пока другие приоритеты.

– Он умер здесь?

– Что?..

Сара, покосившись на офицера Нильсена, удостоверилась, что гигант не зевает и готов задержать директора, если тот попытается удрать.

– Я знаю, что пациента Четыре-Восемь-Восемь держали в этой палате. Почему вы хотели нас убедить, что он умер в секторе А?

– Да что вы несете?! – вспыхнул директор. – Четыре-Восемь-Восемь действительно жил здесь, но два дня назад мы перевели его в сектор А, поскольку пришли к выводу, что он больше не опасен.

– Куда Янгера и Четыре-Восемь-Восемь отводили по ночам? Что вы с ними делали?

Директор остолбенело уставился на нее:

– О чем вы говорите?

– Отчего на самом деле умер старик, у которого, как вы утверждаете, случился инфаркт? Зачем вы перенесли тело в другую палату? Хотели скрыть эти рисунки? Почему?

– Так, послушайте, инспектор, раз уж вы решили дать волю своему воображению, начиная с этой минуты я буду отвечать на вопросы о покойном пациенте только в присутствии адвоката.

Сару это заявление не удивило.

Она вышла из палаты, сделав офицеру Нильсену и директору знак следовать за ней, и остановилась у двери с табличкой «С27».

– Почему вы поместили Янгера в этот сектор, господин Грунд? Потому что здесь охрана надежнее или есть другая причина?

Профессор раздраженно фыркнул:

– Какие еще причины вам нужны? Позвольте напомнить, что Эрнест Янгер изнасиловал и замучил десяток женщин в машине скорой помощи несколько лет назад. Страдания каждой из них перед смертью длились пять дней. Так что да, он в этом секторе, потому что здесь охрана надежнее. И других причин нет. К чему вы клоните?

– Когда он должен проснуться?

– Не знаю... Часа через три-четыре. А что?

Сара не ответила, с удовлетворением наблюдая, как в поведении и выражении лица директора все отчетливее проступает страх.

– Послушайте, как бы там ни было, я должен вас предупредить, что Янгер все еще очень агрессивен, несмотря на лечение. Зачем он вам понадобился?

– Он знал пациента Четыре-Восемь-Восемь и мог видеть или слышать то, что поможет нам прояснить обстоятельства смерти. Кроме того, у Янгера, в отличие от вас, нет причин меня обманывать. Открывайте дверь.

Коренастый санитар с массивной шеей и оттопыренными ушами вышел из палаты Эрнеста Янгера, вытирая пот со лба.

– Пациент проснулся. Смирительная рубашка надета, – доложил он и шумно перевел дух. Ханс Грунд шагнул к Саре:

– Инспектор Геринген, Янгер не впадает в буйство только потому, что ему колют успокоительное и он уже несколько лет не видел женщин. Не провоцируйте его. И позвольте мне вмешаться, если я замечу, что он начинает терять контроль.

– Офицер Нильсен, проводите господина директора в его кабинет и оставайтесь с ним до моего возвращения. – Сара взялась за дверную ручку. – Я не хочу, чтобы он был здесь.

– Простите, вы серьезно? – Грунд схватил ее за локоть, но, получив в ответ пристальный, тяжелый взгляд, тотчас отдернул руку и попятился.

Сара, еще раз смерив его взглядом, вошла в палату и чуть не задохнулась от острого запаха пота, смешанного с парами эфира. Пациент по имени Эрнест Янгер неподвижно лежал на койке в позе эмбриона спиной к посетительнице. Длинные, обернутые вокруг корпуса рукава смирительной рубашки были завязаны на животе.

– Привет, Эрнест.

Пациент медленно повернулся на голос, и она снова увидела лицо, которое так потрясло ее при первой встрече. Чудовище обладало задорной мальчишеской внешностью – нежная розовая кожа, золотистые кудри, округлые щеки. Почти ангел.

Он смотрел на Сару и улыбался, демонстрируя щель между передними зубами, придававшую ему совсем уж невинный и простодушный вид. Янгер был похож на деревенского парня, который всю жизнь провел на свежем воздухе и не боится разрушительного действия времени.

Сара опустила на привинченный к полу стул за низким столиком в двух метрах от койки и закинула ногу на ногу.

Янгер не отрывал от нее взгляда. Вначале Сара увидела в его глазах привычный мужской интерес – на нее так смотрели многие. Но через секунду он перестал сдерживаться, и глаза полыхнули хищной похотью.

Янгер, неуклюже приподнявшись, сел на краю койки, покусывая нижнюю губу.

– Эрнест, вы знакомы с пациентом из палаты С32?

Он задумчиво уставился в потолок, будто припоминая.

– Инспектор Геринген... До чего ж непредсказуема жизнь! Вы и представить не можете, какое удовольствие доставили мне своим неожиданным визитом!

Сара прекрасно понимала, что может означать слово «удовольствие» в устах этого извращенца.

– Я здесь не по вашу душу, Эрнест.

– Да что вы? Какая жалость, а я уж думал, посидим, с наслаждением вспомним наше общее прошлое, – промурлыкал Янгер, откровенно раздевая ее взглядом.

Несмотря на весь свой опыт, Сара поморщилась от отвращения – то, что сейчас делал Янгер, на ее профессиональном языке называлось «визуальным изнасилованием».

– Я пришла поговорить о пациенте, которого здесь называли Четыре-Восемь-Восемь. Вы его знали?

– Четыре-Восемь-Восемь? О да, еще бы... А почему вы говорите о нем в прошедшем времени? – жизнерадостно поинтересовался Янгер.

– Он умер, – сказала Сара. – Вы были друзьями?

– Умер? Ну надо же! А что с ним случилось?

– Пока неизвестно. Но вы могли бы нам помочь. Вы хорошо его знали?

– Мы были добрыми приятелями, хотя за четыре года он не сказал мне ни слова.

– Четыре-Восемь-Восемь был здесь этой ночью?

– Да. И как всегда, кричал. Своим особенным криком, жутким таким... Реально жутким. Вам ли не знать, что уж я-то к крикам привычный, всяких наслушался. Но поверьте, оттого, как вопил этот старик, даже меня до печенок холод пробирал.

– Он кричал каждую ночь? Вы знаете почему?

– Может, и знаю. – На этот раз в улыбке Янгера не было ничего невинного, но в следующую секунду его лицо снова стало по-мальчишески обаятельным.

– Господин Янгер, – жестко сказала Сара, – что вам известно о пациенте Четыре-Восемь-Восемь?

– Вы, наверное, желаете знать, кто его убил?

– Убил? Вы считаете, это было убийство?

– Хочешь меня расколоть, сука легавая?! – вдруг заорал Янгер.

Сара машинально отпрянула, сердце отчаянно заколотилось. Подобного поведения надо было ожидать, и все же внезапная вспышка ярости у серийного убийцы, который прежде казался вполне безмятежным, застала ее врасплох. Она решила зайти с другой стороны:

– Эрнест, я знаю, что каждую ночь вас и Четыре-Восемь-Восемь куда-то уводили и, вероятно, делали что-то плохое. Расскажите мне об этом – возможно, я сумею вам помочь.

– Его убил черный сон. Я следующий.

– Черный сон? Что это такое?

Янгер оскалился, втиснув язык в щель между зубами, и все его лицо перекошилось от бешенства.

– Тебя я тоже вылечу, сука! – прорычал он и резко вскочил, будто в тощем теле рывком распрямилась пружина.

Сара с трудом заставила себя усидеть на месте.

– Вылечу, как остальных баб! Поиграем с тобой в больничку в моей «скорой»! – Его лицо разгладилось, оскал вновь сменился ангельской улыбкой. Янгер тихонечко опустился обратно на койку. – Не волнуйтесь, госпожа Геринген, курс лечения будет очень эффективным, вы поправитесь, – ласково заверил он и посмотрел с сочувствием санитаря.

В свое время Сара не раз допрашивала Янгера и уже сталкивалась с такими припадками безумия, поэтому знала, что нельзя показывать свою растерянность и упускать инициативу в разговоре.

– Эрнест, что такое «черный сон»?

– Директор не тот, за кого себя выдает, – гневным шепотом сообщил Янгер. – Он главный сумасшедший во всей психушке.

Сара мысленно подобралась. Она слышала шумное дыхание убийцы, отмерявшее время, как обратный отсчет.

– Что с вами делал профессор Грунд?

– Ты меня любишь?

– Эрнест, только я могу избавить вас от страданий, которым вы тут подвергаетесь. Давайте не будем тратить время впустую.

– Никто меня не любит. И не любил никто, вот и приходилось заставлять их признаваться в любви. Так здорово было слышать, как они шепчут ласковые словечки всего через несколько минут после того, как прошли мимо меня по улице, даже не удостоив взглядом.

– А теперь директор вас самого заставляет делать то, что вам не нравится, верно?

– За дурака меня держишь? Я же вижу: ты тут добренькую разыгрываешь, чтобы меня расколоть, а как только получишь то, за чем пришла, свалишь отсюда и думать обо мне забудешь, как те, другие. Поэтому знаешь что? Раздевайся! И скажи, что ты меня любишь. – Теперь Янгер смотрел исподлобья, шарил взглядом по всему ее телу, почти прижав подбородок к груди; его дыхание стало тяжелым и прерывистым.

– Эрнест, я не такая, как другие. У меня есть обыкновение выполнять свои обещания. И если я сказала, что смогу избавить вас от страданий, значит, и правда смогу. Помогите мне, и я даю слово, что помогу *вам*. Почему вы сказали, что директор – сумасшедший?

– Раздевайся! – выпалил Янгер, засучив ногами.

Сара, немного поколебавшись, медленно подвернула рукава свитера на несколько сантиметров, открыв запястья; тонкую, почти прозрачную, молочно-белую кожу на них густо усеивали веснушки.

Янгер вытаращил глаза.

– Что он с вами делал? – невозмутимо повторила Сара.

– Еще! Подними повыше!

– Если хотите увидеть больше, сначала ответьте на вопрос.

Психопат озверело застучал пяткой в пол.

– Не со мной, с Четыре-Восемь-Восемь! Ему ставили укол, я видел, а потом увозили куда-то смотреть черный сон – старик сам так говорил. И после этого он разрисовывал стены!

– Вы знаете, с какой целью директор проводил над ним опыты?

У Янгера начался нервный тик – задергались веко и уголок рта; он все сильнее впивался зубами в нижнюю губу.

– Если хочешь, чтобы я что-нибудь сняла, будь умничкой и расскажи мне все, что знаешь, – проворковала Сара.

Взгляд убийцы затуманился – он погрузился в фантазии, о которых ей страшно было даже думать, глухо рычал и перебирал ногами, будто сдерживал желание наброситься на нее.

– Янгер...

– Ты мне все равно не поверишь!

– Говори! – Сара впервые повысила тон.

– Снимай всё! – рявкнул Янгер, в котором уже не осталось ничего от наивного мальчишки. Он задергался в смиренной рубашке и принялся раскачиваться всем корпусом вперед-назад.

– Что за эксперименты ставил директор на пациенте Четыре-Восемь-Восемь? Ты знаешь что-то конкретное? – спросила Сара, покосившись на дверь.

– Знаю только, что для его экспериментов нужен был именно Четыре-Восемь-Восемь, больше никто не годился. Это всё!

И тут Янгер прыгнул на Сару. Она вскочила в то же мгновение, увернулась, и убийца, налетев на привинченный стул, грохнулся на пол. Сара схватила его под мышки, вздернула на ноги, впечатала в стену и прижала голову, расплющив щеку.

– Остынь, Янгер. Сейчас я выйду из палаты, а ты будешь тихонечко стоять здесь, пока за мной не закроется дверь. Ясно тебе?

Он захрипел в знак согласия. Сара чуть ослабила захват. – Не переживай, рыженькая. Больше всего на свете я хочу, чтобы над Хансом Грундом кто-нибудь поиздевался так же, как он издевался над нами. Отомсти ему за меня, ага?

Когда Сара, отпустив его, отошла назад, Янгер сполз по стене на пол и вскинул на нее голубые глаза обиженного ребенка:

– Вот было бы здорово пообщаться с тобой у меня в «скорой». Уж ты-то не стала бы визжать и хныкать, как те сучки.

Сара медленно попятилась к выходу. Нащупала за спиной дверную ручку, подергала ее – створку тотчас распахнули с другой стороны. Как только она выскочила в коридор, коренастый санитар поспешно захлопнул дверь и запер замок. Офицер Сольберг таращился на инспектора так, как будто она вернулась с того света.

– Подкрепление уже прибыло? – спросила Сара.

– Нет еще.

– Тогда оставайтесь здесь, пока вас не сменят.

Она связалась по рации с Нильсеном, который поднялся на второй этаж вместе с директором.

– Ханс Грунд может оказаться опасен, будьте с ним осторожны, офицер. Я сейчас приду.

– Вас понял.

К директорскому кабинету Сара почти бежала. Взлетела по винтовой лестнице, промчалась по коридору и только потянулась к дверной ручке, как створка распахнулась изнутри от удара ногой. Сара от неожиданности дернулась назад, пошатнулась, чуть не упав. Прямо перед ней мелькнуло лицо Ханса Грунда – он бросился к лестнице. Едва удержав равновесие, Сара выхватила из кармана рацию.

– Всем офицерам! Грунд бежит к сектору А! Он опасен и, возможно, вооружен!

Она заглянула в кабинет – офицер Нильсен сидел на полу, привалившись к книжному шкафу и держась рукой за голову; из-под ладони текла кровь. Рядом с ним валялся увесистый плексигласовый куб для фотографий, угол которого тоже был испачкан кровью. Офицер сделал знак, что с ним все в порядке, и Сара с облегчением кинулась догонять Грунда, на бегу проговорив в рацию:

– Пошлите кого-нибудь в кабинет директора! Офицер ранен!

Отличная физическая подготовка сделала свое дело – прыгая через две ступеньки, она услышала внизу, совсем рядом, топот и тяжелое дыхание, а с последней ступеньки соскочила в тот момент, когда Ханс Грунд исчезал за дверью под лестницей. Оттолкнув не успевшую закрыться створку локтем, Сара помчалась по длинному грязному коридору. Профессор был всего в десятке метров от нее. Он вдруг остановился и обернулся, засовывая руку во внутренний карман пиджака.

Только тут Сара вспомнила, что оставила пистолет в машине.

Глава 5

Сара приготовилась уворачиваться от пуль. Но Ханс Грунд достал из кармана не оружие, а ключ, присел на корточки, вставил его в замочную скважину в полу, рывком откинул крышку люка и исчез в проеме. Рванувшись вперед, Сара последние метры проехала по полу, одну ногу подогнув под себя, другую вытянув вперед, и успела подсунуть ступню под опускавшуюся крышку. Откинув ее, осторожно заглянула в люк – директор как раз спрыгнул с последних перекладин вертикальной лестницы, задрал голову, увидел преследовательницу и в следующую секунду исчез из поля зрения. Сара, быстро спустившись по ступенькам, очутилась в подвале с бетонными стенами, тускло освещенном красной аварийной лампой под потолком. Фигура директора маячила впереди; оттуда раздался скрежет замка.

Из открытого дверного проема, в который устремился Ханс Грунд, в коридор пролился бледный свет. Сара ринулась туда, ударом ноги отбила створку, которая закрывалась за директором, и, пригнувшись, заглянула в помещение.

В центре стояли две пустые больничные каталки; с их металлических бортиков свисали кожаные ремни с пряжками. В изголовье каждой каталки на подставках поблескивали замысловатые аппараты с циферблатами и пучками проводов.

Сара успела осмотреться краем глаза, но все ее внимание было приковано к директору – тот замер в левом дальнем углу помещения у шкафа с распахнутыми стеклянными дверцами. Все-таки оружия у него не было – иначе давно бы в нее выстрелил.

– Не двигайтесь! – приказала Сара и сделала шаг вперед.

Грунд, что-то пробормотав сквозь зубы, внезапно протянул руку в шкаф и дернул за рычаг устройства, стоявшего на полке.

Что это за устройство, Сара поняла слишком поздно.

Оглушительно грянул взрыв, и в воздух выплеснулись клубы огня.

Сара бросилась на пол. По спине и затылку прокатилась жаркая волна, в ушах адски загудело. Кислорода уже не хватало, она думала, сейчас загорится одежда, но все же, закрывая лицо предплечьем, подняла голову, чтобы оглядеться. В лицо дохнуло как из пекла – стены комнаты были охвачены пламенем. Где-то вдалеке захлебывалась воем сирена пожарной сигнализации, но автоматическая система тушения огня не сработала – Ханс Грунд все предусмотрел.

Изогнувшись на полу, Сара обернулась и различила в дыму позади дверной проем. В коридор огонь еще не перекинулся. Директор лежал в углу, возле шкафа, лицом в пол. Инстинкт самосохранения приказывал ей немедленно развернуться и ползти к выходу, но чувство долга победило: Сара, пригибаясь, добралась до неподвижного Грунда, перевернула тяжелое тело, ухватила под мышки и, пятась, поволокла за собой.

Она сделала всего несколько шагов – начался приступ кашля, пришлось остановиться. Воздух обжигал лицо, дым лез в глаза и не давал дышать. Сара пригнулась ниже – над полом еще оставался кислород – и снова потянула директора, замычав от натуги. До двери оставалось всего метра два, но выпрямиться она не могла, иначе задохнулась бы.

Тогда Сара легла на спину, втащила безвольное тело на себя и, отталкиваясь ногами, поползла дальше. Макушка Грунда у нее на животе представляла собой черно-багровое кровавое месиво: ожоговые пузыри полопались, обгоревшие пряди волос прилипли к открытым ранам. Сара не знала, жив он или нет, но бросать его не собиралась.

Дверной порог она преодолела, издав обессиленный хрип. Вылезла из-под своей ноши, кое-как встала и снова взяла директора под мышки. В этот момент от жара лопнула неоновая лампочка под потолком, брызнув фонтаном искр и осколков.

Сара не успела закрыться рукой – правый глаз обожгло. Охнув от боли, она выпустила Грунда и прижала ладонь к лицу.

– Инспектор здесь! – раздался сверху крик.

Через несколько секунд здоровым глазом Сара увидела бегущего к ней офицера Нильсена. Из раны на голове у него до сих пор шла кровь.

– Инспектор, скорее, к лестнице!

Он накинул ей на плечи огнеупорное одеяло и, обняв, потянул за собой, но Сара высвободилась.

– Нет! Возьмите директора!

– Что?! Все здание уже горит! Нужно уходить!

Из люка в потолке донесся голос Дорна:

– Быстрой! Вы сейчас окажетесь в ловушке!

– Мне нужно допросить Ханса Грунда! Я хочу знать, что здесь произошло! Нильсен, поднимите его, я дойду без вашей помощи!

Гигант озадаченно уставился на Сару с высоты своих метра девяноста, раздумывая, стоит ли выполнить приказ или лучше вырубить начальницу, вынести ее отсюда и тем самым спасти. Затем перевел взгляд на Грунда, лежавшего на пороге охваченной огнем комнаты, и понял, что инспектор Геринген сама дотащила его до этого места, рискуя жизнью. Устыдившись, Нильсен, бормоча проклятия, бросился к директору и взвалил его на плечо. Сара уже поднималась по перекладинам.

– Огонь повсюду! – Дорн протянул ей руку.

Ухватившись за его ладонь, Сара выбралась на первый этаж и ошеломленно огляделась: из-под дверей палат вырывались языки огня, коридор наполовину заволокло густым дымом.

Дорн, низко пригнувшись, сделал Саре знак следовать за собой и побежал. Она бросилась за ним, прикрывая рот и нос сгибом руки. Правый глаз не открывался, боль сделалась острее.

– Вы ранены? – обернулся к ней на бегу Дорн.

Сара не услышала. Коридор превратился в преисподнюю – гудел огонь, двери трескали, надрывалась пожарная сирена. Здоровый глаз заливало потом; не глядя под ноги, Сара споткнулась об обгоревший труп какого-то пациента. Чуть дальше дым рассеялся, и она заметила открытую дверь – в палате на полу, прижимаясь спиной к стене, сидела женщина, парализованная ужасом. Та самая, лет сорока, с печальным лицом, которую Сара видела из вестибюля за застекленными дверями.

– Здесь женщина! Живая! – закричала она.

В ту же секунду коридор наполнился оглушительным треском.

– Инспектор, потолок сейчас обрушится! – выпалил Нильсен, бежавший за ней с Грундом на плече.

Сквозь рев пламени снова прорвался треск, а за ним последовал гулкий стук.

Сара метнулась в палату к оцепеневшей женщине. Сдернула с кровати простыню, обмакнула ее в воду в унитазе и накинула пациентке на голову. Но когда она попыталась увлечь женщину за собой к выходу, та начала вырываться. Оказалось, пациентка выронила что-то из рук – Сара краем глаза заметила упавшую на пол фотографию, на которой та улыбалась, прижимая к себе двоих детишек.

– Пригнитесь и бегите за мной!

Женщина все же послушалась, они вместе пересекли порог, побежали дальше, спотыкаясь о разломанные балки, охваченные огнем, – потолок рушился, вниз летели большие куски штукатурки и настила. Сквозь дыры над головой был виден потолок второго этажа, который тоже грозил проломиться.

– Постарайтесь не дышать глубоко – обожжете легкие! – крикнула Сара. – Бегите изо всех сил!

Пациентка вдруг застыла на месте, замороженная пожаром. Мокрая простыня на ней уже дымилась. Сара схватила женщину за руку и дернула за собой, чуть не сбив с ног. Они, зады-

хаясь, вывалились в вестибюль, Сара с разбегу плечом ударила в двустворчатую входную дверь – та с грохотом распахнулась, и ледяной воздух, еще недавно обжигавший кожу не хуже огня, теперь принес невероятное облегчение.

Отбежав метров на двадцать от крыльца, Сара выпустила руку пациентки и, опершись о дерево, согнулась пополам, пытаясь отдышаться. По лицу градом катил пот. Женщина, которую она спасла, обессиленно повалилась в сугроб.

Рядом шумно дышал офицер Дорн.

– Вы в порядке? – прохрипел он.

У Сары энергии хватило лишь на кивок. Она привалилась спиной к стволу дерева и сползла по нему на снег.

Вдалеке были сирены приближавшихся пожарных машин. Вокруг суеились медсестры и санитары, пытаясь успокоить и собрать в группу четыре десятка взбудораженных пациентов, спасенных ими из пылающей больницы. Все топтались, метались, прыгали на подтаявшем снегу, перемешанном с грязью.

– Не надо сидеть на земле, – ласково сказала Сара женщине. – Офицер Дорн, позаботьтесь о ней.

Полицейский, подняв пациентку на ноги и сняв с нее обгоревшую простыню, накинул ей на плечи свою форменную куртку. Женщина медленно подняла голову и теперь переводила оторопелый взгляд с него на Сару и обратно.

– Помощь скоро подоспеет, все будет хорошо, – успокоил ее Дорн и повернулся к Саре: – Инспектор, у вас правая сторона лица обожжена...

– Где Нильсен с директором? – спросила она, озираясь.

– Вот же они.

Сара в суматохе бегства и с одним здоровым глазом не заметила, что офицер Нильсен их почти догнал. Сейчас великан шел к ним, перекинув через плечо обмякшее тело Ханса Грунда. Сара с трудом поднялась на ноги, сняла парку и накинула ее на директора под недоумевающими взглядами полицейских, затем пощупала пульс. Он был жив.

– Санитары Элиас Лунде и Леонард Сандвик спаслись? – спросила Сара.

– Да, – кивнул Нильсен. – Сольберг вывел их из здания, когда начался пожар, и посадил в первую подоспевшую машину подкрепления. – Он указал на полицейский фургон с зарешеченными окнами, возле которого стоял на страже Сольберг. Правда, все его внимание было поглощено исполинским пожаром – уже весь «Гёустад» был охвачен огнем.

В этот момент в распахнутые ворота въехали четыре пожарные машины и затормозили одна за другой, взвихрив снежное облако. За ними следовали три автомобиля скорой помощи. Пока команда пожарных раскатывала шланги, к Саре и полицейским подошел их капитан:

– Сколько человек осталось в здании?

– Несколько десятков, – ответил Дорн. – Если не больше. Ужасная трагедия.

Сара кивнула на Ханса Грунда:

– Прежде всего надо спасти этого человека. Он виновник пожара и подозреваемый в убийстве, поэтому должен выжить, чтобы ответить за свои преступления. Пусть его немедленно везут на «скорой» в больницу.

– Гм... ладно, – кивнул капитан, предварительно обменявшись взглядами с Дорном и Нильсеном – хотел удостовериться, что у инспектора не снесло крышу от потрясений и ее приказ действительно нужно выполнить. Затем он махнул рукой группе санитаров из ближайшей «скорой» и побежал к своей команде отдавать распоряжения.

– И вот этой женщиной, пожалуйста, тоже займитесь, – попросила Сара подошедших врачей, указав на свою подопечную, снова осевшую в сугроб.

Над женщиной тотчас склонилась пожилая медсестра, закутала ее в теплое одеяло, вернув Дорну полицейскую куртку, помогла подняться и повела к машине скорой помощи.

Остальные уже укладывали на носилки Ханса Грунда. Его тоже накрыли теплым одеялом, и Сара забрала свою парку.

Она попросила обоих офицеров проводить директора до городской больницы.

– Когда приедете, возьмите его под охрану. Оставайтесь там – один в коридоре, один в палате. И пожалуйста, держите меня в курсе состояния Грунда. Нужно допросить его как можно скорее. Офицер Нильсен, не забудьте показать врачам рану на голове.

Полицейские немедленно зашагали к медицинскому фургону, в который санитары уже установили носилки с директором.

Сара позволила себе минутную передышку, и горло сдавило – уже не от дыма, а от чувства вины. Как можно было допустить такую трагедию? Прокручивая в голове события, предшествовавшие взрыву, она даже не заметила, как к ней подошла пожилая женщина-врач, а когда та потребовала показать ожог, покорно подставила лицо. Врач посветила в закрытый правый глаз цилиндрическим фонариком, тщательно осмотрела веки и вдруг, без предупреждения, резким движением раздвинула их пальцами. Сара, зашипев от боли, дернулась в сторону, а в следующий миг обнаружила, что прозрела на оба глаза.

– Прошу прощения, но, если бы я сказала, что собираюсь сделать, вы бы мне не позволили, – хмыкнула врач. – Итак, у вас с правой стороны больше нет ни брови, ни ресниц, а кожа вокруг глаза обожжена, но не слишком серьезно. Похоже, вам повезло – радужная оболочка и зрачок не пострадали. Придется какое-то время каждый день смазывать веки заживляющим гелем, но никаких последствий быть не должно, за исключением эстетического неудобства в течение пары месяцев.

Сара механически кивнула – ей было наплевать на свою внешность. Поблагодарив врача, которая посоветовала сегодня же сходить к офтальмологу для более подробной консультации, она заметила, что к «Гёустаду», вереща сиренами и разливая вокруг волны света из мигалок, подъехали сразу пять патрульных машин. По ее знаку из первой машины выскочил капитан полиции – худой мужчина лет сорока с помятым и заспанным лицом; видимо, внезапный приказ поднял его с постели.

– Офицер Карлк, – представился он, подбежав.

Сара, вкратце изложив ситуацию, дала указания:

– Двух санитаров, которые сейчас находятся в том фургоне, нужно немедленно доставить в Главное управление. Я их допрошу, но сначала мне надо в больницу, чтобы... Короче, вы поняли. Оцепите здание и, как только пожар будет потушен, отправьте туда криминалистов. Сомневаюсь, что остались какие-то вещдоки, но пусть проверят на всякий случай. И постарайтесь подготовить отчет к моему приезду в управление.

Капитан пообещал все выполнить, и Сара побрела к своему внедорожнику. Прибыли еще несколько машин пожарной и спасательной служб, вздымая фонтаны снега из-под колес. Синие лучи прожекторов смешались в один вихрь с оранжевыми отсветами пламени, пожиравшего «Гёустад».

Когда подоспел грузовичок телевизионной съемочной группы, у Сары в кармане завибрировал мобильник – звонил Стефан Карлстрём, ее начальник.

Сара села за руль, устало захлопнула дверцу и переключила звонок на автоответчик. Измотанная до предела, откинулась затылком на подголовник. По позвоночнику бежали ледяные мурашки, сердце бухало в груди глухо и обессиленно.

Сегодня ночью ей некого будет обнять, не к кому прижаться, чтобы выплакать боль. Никто, утешая, не станет рассказывать ей о будущем, о новых мечтах и планах. Сегодня ночью она останется одна, и единственное, что ее сможет отвлечь от личной драмы, – это работа, дело, которое уже оказалось самым жестоким и странным в ее карьере.

Осознав вдруг, что жалуется на судьбу, когда десятки людей погибли и погибают прямо сейчас в горящем здании у нее на глазах, Сара выругала себя за эгоизм.

В стекло дверцы постучали. Ей радостно улыбалась дамочка с микрофоном, за которой стоял оператор с камерой.

– Инспектор Геринген, это был поджог? Что здесь произошло? Почему полиция не предотвратила преступление? Вы были здесь в момент возгорания?

Сара понимала, что нужно остаться и выпроводить отсюда журналистов, потом дожидаться экспертов и руководить поиском улик, но у нее не было на это сил. Она завела мотор и помчалась прочь, думая лишь об одном – поскорее оказаться как можно дальше от пылающей больницы.

Остановившись на первом светофоре, она отправила эсэмэску начальнику – пообещала приехать в управление сразу после того, как наведается к офтальмологу, – и, открыв отделение для перчаток, достала оттуда пузырек с транквилизатором.

Глава 6

В ожидании приема у офтальмолога в Центральной больнице города Осло Сара успела хорошенько рассмотреть себя в зеркале. На правой стороне лица действительно не было ни брови, ни ресниц, а веки опухли и покраснели. На секунду она задумалась, что сказал бы Эрик, встретив ее сегодня вечером дома в таком виде.

– Инспектор Геринген, прошу вас, проходите, – выглянул из кабинета пожилой врач с кустистыми бровями.

Пока Сара смиренно сидела в кресле для пациентов, он тщательно осмотрел и обработал ожог. Заканчивая накладывать мазь вокруг правого глаза, озабоченно спросил:

– Как вы себя чувствуете?

Она хотела ответить, что чувствует к себе жалость – к женщине, которую заботит мнение мужчины, изменившего ей и бросившего ее накануне ночью.

– Никогда не чувствовала себя такой красоткой.

– Вы действительно очень красивая, – улыбнулся врач. – Вашему мужу повезло.

Сара, спохватившись, что забыла снять обручальное кольцо, поблагодарила за комплимент едва заметным кивком.

– К сожалению, как минимум на месяц вам придется забыть о косметике. За это время должны отрасти ресницы и бровь. И не забывайте смазывать кожу вот этим средством раз в день.

Сара взяла рецепт, сказала спасибо и покинула кабинет. Теперь, когда она знала, как странно выглядит, ей казалось, что на нее все таращатся. В лифте она сразу встала спиной к зеркалу, а когда в кабину вошла молодая пара, стыдливо отвернулась.

На улице стало еще хуже. Ее обогнал какой-то мужчина, заглянул в лицо и, нахмурившись, зашагал быстрее, как будто был разочарован, близко рассмотрев женщину, чья фигура издали казалась ему привлекательной. При других обстоятельствах Сара этого и не заметила бы, но сейчас пренебрежительный мужской взгляд ее уязвил.

В салон своего внедорожника она бросилась, как в убежище, отогнула солнцезащитный козырек, еще раз осмотрела себя в маленьком зеркальце. «Может, сделать перманентный макияж? Заодно неплохо бы нарастить ногти...» Сара сняла заколку – рыжие волосы рассыпались по плечам, – затем уложила длинные пряди так, чтобы они скрывали правую половину лица, захлопнула козырек и поехала в управление.

В половине десятого она уже входила в величественное здание Главного управления полиции Осло. Здесь царила страшная суеда из-за пожара в «Гёустаде», на нее никто не обращал внимания. За исключением Стефана Карлстрёма – тот разговаривал с офицером в вестибюле, но, как только вошла Сара, отослал подчиненного и направился к ней.

Стефан на голову возвышался над остальными сотрудниками управления. Плечи уступающей ширины, коротко стриженные волосы с сединой, цепкий взгляд, легкая, стремительная походка – весь его облик внушал впечатление, что этот человек – скорее полевой командир, чем кабинетный начальник. Старееющее лицо в соответствии с чином хранило суровое выражение, но при виде Сары на нем отразилось искреннее участие. Стефан внимательно осмотрел ее правый глаз, затем, не сказав ни слова, жестом позвал за собой.

– Шеф, вас требует министр внутренних дел. Переключить звонок в кабинет? – подбежал к нему молодой полицейский.

– Нет, скажите, у меня собеседник на другой линии, я перезвоню, как только закончу разговор.

– Слушаюсь! – невозмутимо кивнул молодой человек – видимо, был привычен к неудобным приказам руководства.

Пропустив Сару в кабинет, Стефан закрыл дверь и опустил жалюзи на застекленной стене, чтобы избавиться от взглядов сотрудников. Только после этого он порывисто шагнул к Саре, словно отец, одновременно разгневанный и счастливый оттого, что дочь наконец-то вернулась после ночных приключений.

– Три вопроса. Первый: ты в порядке? Второй: почему ты мне не позвонила? Могла бы хоть сообщить, что ты жива! И третий: что происходит?

– Прости, не было времени держать тебя в курсе, – вздохнула Сара. – Да, я в порядке, мне крупно повезло с командой – парни меня спасли. А что происходит, честно говоря, сама пока не знаю. И нам понадобится немало времени, чтобы разобраться.

– Что с глазом?

– Ничего, легкий ожог. Выгляжу как распоследняя уродина, но мне наплевать.

Стефан пожал плечами:

– Видал я тебя и в худшей форме, когда мы работали в ФСК. Но ты никогда не выглядела уродиней.

Сара, смутившись, на секунду опустила глаза. Она ничуть не стыдилась близких отношений со Стефаном, которым сама же и положила конец давным-давно. Дело было в другом – сегодня ей меньше, чем когда-либо, хотелось задаваться вопросом, правильно ли она по жизни выбирает мужчин.

– Ладно, извини, я просто расчувствовался, увидев тебя живой и относительно невредимой. Не надо было этого говорить. Поэтому скажу вот что: сегодня ты всем доказала, что не изменяешь своей привычке очертя голову бросаться в пекло. В буквальном смысле.

Сара сделала вид, что шутка ее позабавила, и поправила волосы, чтобы они лучше закрыли правую половину лица.

– Ну, давай рассказывай, – потребовал Стефан.

Она вкратце изложила хронологию событий, а когда закончила, начальник с озабоченным видом поерзал в кресле.

– Ты права, с наскака разобраться в этой чертовщине не получится. Какой у тебя план?

– Попробую расколоть санитаров Лунде и Сандвика. Проанализирую рисунки из палаты жертвы и допрошу директора Грунда, когда он придет в себя.

– Хорошо. Со своей стороны могу предложить следующее... – Стефан облокотился мускулистыми руками о стол. – Я отправил людей разбираться с пожаром, жертвами и всей кутерьмой. Тебе этим заниматься не придется. Твоя задача – расследование убийства пациента. Знаю, ты не любишь работать в команде, но, поскольку дело назревает масштабное, я нашел тебе помощника.

– Кого? – забеспокоилась Сара.

– Норберта Ганса.

Она с облегчением вздохнула.

– Я знал, что тебе понравится! – заулыбался Стефан, глядя на нее с нежностью, но скорее отцовской, чем романтической. – Норберт – парень скромный, толковый и не ноет из-за переработки. Еще тебя приятно удивит, что он уже отчасти ознакомился с делом благодаря капитану Карл-ку, который привез сюда двух санитаров. Кстати, они в твоём полном распоряжении. Кроме того, я думаю, Норберт уже проявил инициативу и предпринял некоторые шаги, чтобы сэкономить тебе время.

Сара молча поднялась с кресла.

– Подожди! Сара, ты не обязана заниматься этим расследованием. Если... скажем так, психоневрологический антураж тебя напрягает, я могу поручить дело кому-нибудь другому.

– Нет.

– О'кей... Ну, береги себя. Хорошо?

Сара кивнула, хотя именно сегодня не смогла бы поклясться, что выполнит обещание. Уже взявшись за дверную ручку, она обернулась:

– Можешь на меня положиться. Как всегда, – и вышла из кабинета, так и не сказав Стефану, что рада его присутствию в своей жизни больше, чем он думает. Пусть даже для нее их связь осталась в прошлом.

– Инспектор Геринген!

В коридоре ее подждал Норберт Ганс, молодой человек, похожий на идеального банковского клерка: в безупречном костюме, собранный, со скупыми жестами. Больше всего Сара ценила в нем то, что он знал о ее презрении к пустой болтовне и в разговорах быстро переходил к делу.

– Рад снова поработать с вами. Обыски у санитаров, надзирателя и директора уже в полном разгаре.

– Хорошо. Фотографии стен из палаты С32 получены?

– Загружаются на ваш компьютер. Файлы тяжелые, в высоком разрешении, все будет готово через полчаса.

– Где Элиас Лунде и Леонард Сандвик? Мне надо их допросить.

Норберт Ганс повел инспектора к допросным комнатам, расположенным на подземном этаже здания. По дороге она налила себе крепкого черного кофе – уже жалела, что приняла таблетку транквилизатора, потому что препарат подействовал как снотворное, а тревожность не снял. «Идеальное состояние для того, чтобы вести допрос», – иронически подумала Сара.

Выпив кофе одним глотком, она снова поправила волосы с правой стороны и вошла в комнату к Элиасу Лунде.

Санитар, парень лет тридцати, сидел за пластиковым столом; свет от лампочки под потолком падал на круглое азиатское лицо с матовой бледной кожей.

– Я инспектор Геринген, – сказала Сара, опустившись на стул напротив.

Молодой человек затравленно уставился на нее.

– Ваше имя?

– Элиас Лунде.

Она достала блокнот и сделала пометку.

– Хорошо. А теперь, господин Лунде, я попрошу вас забыть о пожаре и сосредоточиться на событиях, предшествовавших смерти пациента, которого вы в «Гёустаде» зовете между собой Четыре-Восемь-Восемь.

– Погодите... Мне бы очень хотелось забыть о пожаре и вообще о чем прикажете, но все-таки что там произошло? Все вдруг загорелось, раз – и уже полыхает, как будто коридоры облили бензином... Это же невозможно!

Сара молча буравила его взглядом, выработанным за годы службы специально для таких случаев. В этом взгляде не было ни грамма сочувствия.

Элиас Лунде опустил глаза.

– Итак, расскажите мне, что произошло этой ночью.

Санитар нервно покусал костяшку большого пальца и заговорил:

– В общем... я, как обычно, делал ночной обход в секторе А и вдруг услышал крик. Почти сразу зазвонил дежурный телефон на этаже, но я был слишком далеко от него и решил бежать туда, откуда кричали, в палату Четыре-Восемь-Восемь. Вы правы, мы так его и зовем. Он сидел на полу, привалившись к кровати. Я сразу понял, что старик мертв, – он был белый как бумага и не дышал, а рот... рот был разинут, вот как-то так. – Элиас изобразил гримасу мертвеца и продолжил: – А руками он цеплялся за шею, будто душил себя... Честно, я слегка сдрейфил, когда его увидел... Не знал, что делать. А потом до меня дошло, что у него случилась паническая атака, за которой последовал сердечный приступ.

– Что было дальше?

– Мне вспомнились полицейские сериалы – там всегда говорят, что на месте происшествия нельзя ничего трогать, поэтому я сразу вышел в коридор. Тут подоспел Леонард, а за ним Аймерик, надзиратель из комнаты видеонаблюдения. Аймерик сказал нам, что уже сообщил в полицию о самоубийстве пациента. Мы-то с Леонардом понимали, что это чушь, но еще раз звонить вам и объяснять, что парень ошибся, побоялись – вы бы подумали, что мы и сами тут психи.

Сара одобрительно кивнула, чтобы вдохновить свидетеля на дальнейшее повествование.

– Ваш коллега Леонард добрался до палаты позже, чем вы. Почему?

– Он колол пациентам снотворное, эта процедура требует последовательности и сосредоточенности, нельзя прерываться.

Сара еще раз кивнула, что-то записав в блокноте.

– Давно вы работаете в «Гёустаде», господин Лунде?

– Пять лет. Если точно, с десятого февраля две тысячи одиннадцатого.

– Расскажите мне о пациенте Четыре-Восемь-Восемь.

Санитар поскреб в затылке, как будто его внезапно укусил комар.

– Ну, вообще-то о нем мало что известно. Он страдал амнезией и ни с кем не разговаривал.

– То есть за пять лет вы ни разу не слышали его голоса?

– Только когда он кричал.

– А эти цифры, «четыре, восемь, восемь» у него на лбу? Вы знаете, откуда они взялись?

– Понятия не имею. Другие санитары говорили, что шрамы уже были, когда он поступил в «Гёустанд».

– Сколько раз к нему приходили посетители за то время, что вы там работаете?

– Посетители? – удивился Элиас. – На моей памяти ни разу. И мне говорили, что его никто не навещал в больнице все тридцать с чем-то лет. Или сорок.

Регистрационные журналы наверняка сгорели в пожаре, так что Сара понимала – проверить слова санитаров вряд ли удастся.

– А кто вам об этом говорил?

– Ну, многие. Например, Леонард. Он там очень давно работает и знает больше, чем я.

Сара, скользнув взглядом по торсу Элиаса, заметила, что он дышит слишком учащенно для человека, который спокойно сидит на стуле.

– Это Леонард велел вам перенести труп в другое место? Задавая вопрос, Сара внимательно следила за реакцией санитаров, и та не замедлила проявиться: глаза расширились, он слегка подался назад.

– Я... не понял... Мы не переносили тело. Я ведь уже сказал – ничего в палате не трогали.

– Тело перенесли из сектора А в сектор С, господин Лунде. У нас есть доказательства. А кроме дежурных санитаров, то есть вас с Леонардом Сандвиком, никого из персонала на этаже не было.

Элиас снова впился зубами в большой палец, затем сбивчиво заговорил:

– Послушайте, я... Честное слово, я тут ни при чем. Клянусь! Я сделал, как велел директор, вот и всё!

– Вы перенесли тело?

– Да... Да, мы с Леонардом получили от директора приказ перенести Четыре-Восемь-Восемь из палаты С32 в сектор А.

– Зачем?

– Директор не хотел, чтобы кто-то увидел рисунки.

– Почему не хотел?

– Не знаю... Мне платят за то, чтобы я работал и не задавал лишних вопросов, а я и так не задаю – мне не нужны проблемы. И потом, что это меняет? Я рассказал вам правду –

прибежал на крик, но было слишком поздно. Разница только в том, что это случилось в палате С32, а не в секторе А.

– Что вы увидели в палате С32?

– Я ведь уже сказал. Делал обход, услышал крик... Чудовищный, невозможный крик... Я говорю «невозможный», потому что никогда не думал, что человек способен издавать такой звук. Он начинался, как... как хриплое покашливание, как будто старик прочищал горло, а закончился визгом на каких-то запредельно высоких нотах. Впечатление было, что мне иголки воткнули в барабанные перепонки... Со стариком такое часто случалось, но на этот раз он сам себя превзошел. Я решил все-таки сбегать к нему, взглянуть на всякий случай, но, когда прибежал, он сидел с разинутым ртом и выпученными глазами, держась за горло... – Элиас Лунде перевел дыхание. – Я тут навидался психов за пять лет, но пациента, который пытался бы себя задушить голыми руками, еще не встречал.

– Что было дальше?

– Аймерик сказал нам с Леонардом про звонок в полицию. А потом позвонил директор и велел перенести тело в сектор А, пока полиция не приехала. Мол, там почище, чем в секторе С. Сара записала показания в блокнот, затем снова посмотрела на Элиаса:

– Эрнест Янгер сказал мне, что по ночам вы куда-то уводили его и пациента Четыре-Восемь-Восемь для проведения... опытов. Кто этим руководил?

Элиас Лунде в отчаянии закрыл лицо руками и помотал головой:

– Блин, вот дерьмо... Я ничего об этом не знаю! Да, иногда нам приказывали привести этих двух пациентов в подвальный этаж, но дальше директор уже занимался ими самостоятельно, нам он не разрешал входить в палату. И кстати, не очень-то хотелось. Даю вам слово, я больше ничего не знаю! Если б знал, сказал бы, чтобы выбраться из этого дерьма...

– Вы заметили что-нибудь странное в поведении Четыре-Восемь-Восемь за последние несколько дней?

– Вроде нет...

– Подумайте.

– Ох... Ну, может, он был взбудоражен больше, чем обычно. И этот крик... Он часто кричал без видимого повода, но сегодня ночью...

– Ладно, спасибо, – подвела итог Сара. – Мне придется продлить ваше содержание под стражей еще на сутки.

Выходя и запирая за собой дверь, она слышала, как санитар сокрушенно бормочет под нос проклятия.

Сара выпила еще кофе, собралась с мыслями и наведлась ко второму свидетелю.

Леонард Сандвик, сутулый седой человек лет шестидесяти, кругами ходил по комнате. Мешки под глазами, взгляд усталый и встревоженный, сразу отметила Сара. Попросив его сесть, она тоже устроилась за столом и велела подробно рассказать о том, что произошло ночью.

– Попробую... – вздохнул Сандвик. – Но сначала скажите, сколько пациентов и сотрудников больницы сумели спастись из пожара.

– Пока не известно. Рассказывайте.

Санитар качнул головой – мол, понял, не я здесь задаю вопросы, – и заговорил по существу:

– Я делал инъекции снотворного пациентам с бессонницей. Было, кажется, около пяти утра. Вдруг раздался крик, жуткий вопль, но я не мог отреагировать сразу – нужно было закончить процедуру. Да и надо сказать, пациент Четыре-Восемь-Восемь у нас славился своими криками, орал не в первый раз, так что меня это не сильно обеспокоило. А потом зазвонил дежурный телефон, и я понял, что возникла проблема. Прибежал в палату и увидел Четыре-Восемь-Восемь – рот разинут, глаза выпучены, руками за горло держится. Мертвый.

– Когда вы поступили на службу в «Гёустад», господин Сандвик?

– Э-э... очень давно. Погодите-ка, вроде бы...

– Вспоминайте, не торопитесь.

– Вспомнил! Двадцать второго ноября семьдесят девятого года, тридцать шесть лет назад. – Он вздохнул. – Да-а, тридцать шесть с лишним, надо же... И как-то ухитрился не спятить за эти годы...

– Значит, вы работали в «Гёустаде», когда туда привезли пациента Четыре-Восемь-Восемь?

– О нет, он уже был там, когда меня наняли.

– Правда? Директор сказал мне, что Четыре-Восемь-Восемь тоже провел в «Гёустаде» тридцать шесть лет.

– Ну, может, его привезли незадолго до моего прихода, но он точно уже был там. Поверьте, уж это я хорошо помню – Четыре-Восемь-Восемь в первое время неслабо портил мне жизнь.

– Вы наблюдали за этим пациентом тридцать шесть лет. Что можете о нем сказать?

– Да немного. Грустный, молчаливый, несчастный человек...

– Он всегда находился в палате С32?

Вопрос застал санитару врасплох. Сара, до этого смотревшая в блокнот, вскинула глаза в ожидании ответа, который запаздывал. Леонард Сандвик покусал нижнюю губу с видом человека, почуявшего неприятности, но все же кивнул, отведя взгляд:

– Да, в С32.

– Нелегко, наверное, было инсценировать его смерть в секторе А.

– Слушайте, не знаю, что вам там наговорил Элиас, но... Поверьте, мы с ним всего лишь выполняли приказ директора. Господин Грунд велел перенести тело – мы перенесли. И поступили так только потому, что боялись потерять работу. Пусть это и неправильно. Мне скоро шестьдесят, другое место я не найду, а мне семью кормить надо. Понимаете? Если б я послал шефа к черту с его приказами, он выставил бы меня за дверь!

– Почему директор решил перенести тело?

– Он сказал, нужно позаботиться о репутации больницы – дескать, в секторе С мрачно и грязно... Но я с вами согласен, тут дело нечисто.

– С какой целью директор ставил опыты на пациентах, которых вы по его приказу приводили на подвальный этаж?

– Вы и об этом узнали? Извиняюсь, не в курсе. Единственное, что могу сказать, – это что Четыре-Восемь-Восемь в последний раз был в подвале два дня назад. Я сам его туда привел, ждал в коридоре и услышал крик... честное слово, прямо-таки нечеловеческий. Я чуть не обделался от страха.

«Опять этот нечеловеческий крик», – мысленно отметила Сара. Показания свидетелей обросли странными подробностями, но это не помогло ей продвинуться в расследовании.

– Кто-нибудь навещал пациента Четыре-Восемь-Восемь в «Гёустаде»? – спросила она.

Леонард Сандвик цинично хмыкнул:

– Как это ни печально, никто. За тридцать шесть лет я не видел ни одного посетителя, желавшего пообщаться с нашим крикуном. Он старел в одиночестве, день за днем, в своей палате... Инспектор, что теперь со мной будет?

Интуиция подсказывала Саре, что от Сандвика она больше ничего не добьется – либо он уже рассказал все, что знает, либо они с Элиасом Лунде ловко ее обманывают.

– Госпожа инспектор, можно мне позвонить жене? – спросил санитар с отчаянием человека, осознавшего, что его жизнь пошла прахом.

– Позвоните через два часа, когда в вашем доме закончится обыск. Вы останетесь под стражей еще на сутки.

Сандвик подавленно уставился в пол.

Закрыв за собой дверь, Сара подозвала офицера Ганса.

– Что-нибудь выяснили? – спросил он, запирая замок.

– Оба санитары признались в том, что перенесли труп в другую палату, но всю ответственность перекалывают на директора. И уверяют, что не знают, с какой целью Ханс Грунд ставил опыты на пациентах в подвале больницы. Отчет о вскрытии еще не готов?

– Пока нет. А Ханс Грунд не вышел из комы.

– Съезжу-ка я... – Сара не договорила – пришлось опереться рукой о стену и закрыть на секунду глаза, чтобы справиться с головокружением.

– Вам плохо? – забеспокоился помощник.

– Нет, все в порядке, просто последствия пожара. Съезжу-ка я перекусить.

– По-моему, вам лучше поехать домой и отдохнуть.

– Времени нет, – отрезала Сара.

К своему внедорожнику она шла, осторожно ступая, а сев за руль, поднесла руку к ключу зажигания и замерла. Было одиннадцать утра, сил никаких не осталось. Что делать дальше? Погрузиться в работу, чтобы не думать о личной жизни, и рассчитывать на допинговый эффект адреналина, а потом грохнуться в обморок где-нибудь посреди управления в окружении обалдевших коллег? Мало того что это не пойдет на пользу ее репутации, так ей же еще на дверь укажут – принудительно отправят в отпуск, отстранив от расследования. А это худшее, что сейчас с ней может случиться. Именно сейчас.

Тогда, наверное, надо часок поспать. А где? В машине? Здесь не удастся толком отдохнуть. Дома? От одной только мысли о доме у Сары начинался приступ паники. У сестры? Но у нее сейчас не хватит энергии ни на объяснения, ни на то, чтобы сдержать истерику. Да и отлучаться надолго в разгар расследования нельзя. Однако организм не оставлял ей выбора: руки и ноги мелко дрожали, горло сводило от подступающих рыданий.

В этот момент завибрировал мобильник на пассажирском сиденье – пришла эсэмэска. На экране со всем цинизмом высоких технологий высветился отправитель: «Любимый».

«Когда у тебя будет время уладить формальности по поводу развода?»

Телефон выскользнул у Сары из рук. Двигаясь, как проржавевший автомат, она завела мотор, и внедорожник, развернувшись в тени огромного здания Главного управления полиции, помчался к скромному отелю на окраине Осло.

Глава 7

Сара проснулась внезапно. Сердце колотилось так, что казалось, сейчас затрешат ребра. Рядом на подушке звенел мобильный телефон. В руке она сжимала листок, на котором, перед тем как заснуть, набросала лицо старика с широко открытым в крике ртом и надписью на лбу «488». Но рисунок был едва различим, словно тонул в сумерках, хотя предполагалось, что сейчас самый разгар дня.

«Обожженный глаз воспалился! В рану попала инфекция! Я слепну!» – с ужасом подумала Сара. Потянулась к телефону, но как раз в этот момент звонок оборвался. Сквозь пелену она прочитала на экране имя судмедэксперта, а потом взгляд упал на время.

Рывком вскочив с кровати, Сара бросилась к окну и отдернула занавеску, чуть не сорвав ее с карниза, – сумеречная дымка перед глазами получила мгновенное объяснение, а другое опасение, из-за которого бушевало сердце, подтвердилось: со зрением все в порядке, просто на улице ночь. Фонари печально освещали неоновую вывеску отеля «Харальдшейм», в котором она сняла номер. Снова шел снег.

Было 23:36. Переизбыток эмоций в сочетании с лексомилом вырубил ее почти на двенадцать часов.

В журнале мобильного оказались десяток пропущенных вызовов и семь сообщений – текстовых и голосовых. Сара накинула парку, сбежала по лестнице, бросила ключ на стойку портье и выскочила в ледяную темноту, на ходу читая эсэмэски.

Первая была от айтишников – ее извещали, что фотографии стен палаты С32 загружены и доступны по ссылке с телефона. Вторая пришла около пяти часов от помощника, Норберта Ганса. Он писал, что пожар потушен, в здании найдены шестнадцать погибших, но пока не установлено, кто из них пациенты, кто сотрудники «Гёустада», а санитарам Эли-асу Лунде и Леонарду Сандвику разрешили позвонить домой и все еще держат под стражей.

Третья, полученная около 20:00, тоже была от Норберта. Он беспокоился из-за того, что от Сары нет вестей, и сообщал, что госпожа Грунд рвалась к мужу в больницу, но ее не пустили в интересах следствия. Сара мысленно одобрила это решение и открыла голосовую почту.

На первых же словах она хлопнула себя по лбу и пробормотала сквозь зубы: «Вот черт!»

«Привет, это я. Мы всё еще ждем тебя на праздничный ужин, Мойре уже не терпится. Это ее день рождения, но она приготовила подарок для тебя и очень хочет его вручить. Все время спрашивает, когда же ты придешь. Надеюсь, у тебя все хорошо. До скорого!»

Сара открыла дверцу внедорожника, села за руль и уже по тону сестры поняла, что будет в следующей записи.

«Так, Сара, уже двадцать один тридцать, Мойре пора укладываться! Она оставила корону, которую сама сделала специально для тебя, под дверью своей комнаты и думает, что ты придешь за подарком, пока она будет спать. Бедняжка, конечно, ужасно расстроилась, но вроде бы не обиделась на тебя. В общем, нам всем жаль, что ты пропустила ее пятый день рождения. Наверно, ты еще на работе и просто забыла... Вот даже интересно, как это Эрик столько лет терпит твой эгоизм!»

Сара включила громкую связь, положила телефон на сиденье и уставилась в окно. На стекле расплывались снежные хлопья.

«Ох, Сара, прости меня за то, что я наговорила... Это было глупо и вообще неправда. Я ужасно за тебя беспокоюсь! Скажи, что ты не пострадала при пожаре в «Гёустаде»! Перезвони мне, пожалуйста. Целую тебя».

Последнее голосовое сообщение было записано в 23:34.

«Инспектор Геринген, Тобиас у аппарата. Слушайте, я тут только что закончил вскрытие... Задача оказалась потруднее, чем мне представлялось. Причина смерти... несколько

неожиданная. Перезвоните скорее, а лучше приезжайте в лабораторию – по телефону будет сложно объяснить».

Сара включила зажигание, и внедорожник покатил к Университетской больнице Осло, расположенной в нескольких сотнях метров от «Гёустада». По дороге она позвонила Норберту Гансу и соврала, что провела весь день в библиотеке Психологического института – искала информацию по психопатологиям, которыми можно было бы объяснить смерть пациента 488, в какой-то момент потеряла счет времени, а когда спохватилась, возвращаться в Управление было уже поздно; поскольку читальный зал находится в подвальном помещении, мобильная связь там не работает, так что все сообщения она якобы получила только что, когда вышла на улицу.

Помощник, похоже, не удивился такому объяснению и заметил, что его обязанность как раз в том и состоит, чтобы у инспектора хватало времени спокойно поразмыслить над расследованием. Убирая мобильник в карман, Сара подумала, что Норберт, конечно, очень любезен, но еще одно такое исчезновение на целый день он ей не простит.

Едва припарковавшись на больничной стоянке, она отправила эсэмэску сестре:

«Дико извиняюсь, что пропала на весь день! Пожар в «Гёустаде» был настоящим кошмаром, я только что оттуда вырвалась. Со мной все в порядке. Расцелуй от меня Мойру в обе щеки и, пожалуйста, спрячь корону, которую она для меня сделала. Скажи, что это я приходила ночью и забрала. А когда завтра приеду, ты мне ее тайком передашь;-).

P. S. Я тоже приготовила подарок для Мойры. Надеюсь, ей понравится. Я вас люблю».

Сара нажала на иконку «Отправить» и открыла сообщение со ссылкой на фотографии, сделанные криминалистами. Перейдя по ссылке, пролистала снимки трупа и палаты в секторе А, добралась до рисунков из палаты С32 и сильно увеличила изображение, пытаясь различить на нем хоть какие-то внятные формы. Зачем директору понадобилось скрывать от посторонних взглядов эти каляки-маляки? Придется уделить им потом побольше времени, наверняка там что-то есть, а сейчас ее ждет Тобиас.

Накинув на голову подбитый мехом капюшон, Сара поспешила ко входу в то крыло Университетской больницы, где размещался Институт судебно-медицинской экспертизы.

В такой поздний час в заведении должна была царить тишина, но сюда привезли пострадавших на пожаре в «Гёустаде», расположенном по соседству, и больничный персонал, не отпущенный по домам после рабочего дня, суетился в коридорах и палатах. Из открытых дверей выскочила медсестра, случайно толкнув Сару, а когда повернулась на бегу, чтобы извиниться, чуть не опрокинула каталку с укрытым простыней трупом – вероятно, одной из жертв пожара, – которую санитар вез в морг.

В этой суматохе Сара кое-как добралась до судебно-медицинского сектора. Здесь никого не было, даже стало слышно, как каблук ботинок глухо цокают по линолеуму. В лабораторию она вошла без стука.

На смотровом столе лежал обнаженный труп пациента 488. На дальней стене, прикрепленные к панели с белой подсветкой, висели рентгеновские снимки грудной клетки. Рядом стоял металлический столик с инструментами для вскрытия, еще блестящими от крови.

Тобиас Ловструд, сидевший за компьютером, обернулся, услышав шаги.

– Инспектор Геринген! Рад вас видеть в столь поздний час! Неужто я удостоен чести быть причисленным к кругу избранных, которым даруется такая милость? Кстати, как вы себя чувствуете?

Сара прислонилась к стене.

– Тобиас, вы позвали меня, чтобы рассказать о причине смерти пациента. Итак, отчего он умер?

– Ну да, верно, я и забыл, что вы отвечаете только на один вопрос из трех. Но смею заверить, то, что вы сейчас узнаете, вызовет у вас целую лавину вопросов! Очень неожиданное дело. И даже невероятное! Сейчас я вам все покажу...

Судмедэксперт устремился к письменному столу, на котором были разложены фотографии жертвы в разных ракурсах, сразу отложил в сторону те, где крупным планом были сняты шрамы на лбу, и продолжил:

– Причину его смерти можно назвать самой ужасной из тех, что только можно себе представить, и при этом самой непостижимой. Однако сначала мне придется объяснить, как я пришел к такому выводу, иначе вы мне не поверите. – Тобиас ткнул пальцем в фотографию шеи. – Начнем по порядку. Этот человек определенно пытался себя задушить, но, как мы и предполагали, умер не от нехватки кислорода. Вскрытие показало, что подъязычная кость действительно цела, а трахея почти не повреждена. То есть присутствуют лишь поверхностные следы удушья, которое началось, но не было доведено до конца.

Сара качнула головой в знак согласия.

– Далее я занялся версией, предложенной санитарями «Гёустада», то есть начал искать признаки внезапной остановки сердца. На сердечной мышце обнаружились зоны некроза и фиброза, что однозначно свидетельствует об инфаркте.

Сара открыла рот, чтобы задать вопрос, но Тобиас ее опередил.

– О, я знаю, что вы сейчас скажете! – воскликнул он. – «Отличная работа, дорогой Тобиас, однако в конечном итоге любая смерть наступает из-за остановки сердца, так что это ничего не объясняет. Быть может, дорогой Тобиас, ты догадался, чем именно была вызвана остановка сердца в данном случае?» Вы ведь это хотели спросить, верно?

Сара едва заметно кивнула, усаживаясь на край письменного стола.

Тобиас указал на рентгеновский снимок грудной клетки:

– Закончив с сердцем, я заметил пятна на легких. Видите, вот они, здесь и здесь. Анализ крови показал, что это проявления силикоза. Иными словами, в легких присутствует минеральная пыль, которой пациент Четыре-Восемь-Восемь где-то надышался много лет назад. Но она, разумеется, не могла вызвать инфаркт и стать причиной смерти – единственным неприятным последствием для него был кашель. Зато в результате анализа крови открылись еще два странных обстоятельства, весьма меня заинтриговавшие. В крови жертвы содержится большое количество вещества, которое мне удалось идентифицировать только благодаря многолетнему опыту работы. Вам чертовски повезло нарваться на старую калошу вроде меня! О да, повезло во всех отношениях! Небось сорокалетние разгильдяи только и думают, как бы заставить вас улыбнуться и провести с ними ночь?

Сара с удовольствием улыбнулась бы судмедэксперту, но на душе было слишком уж мутно.

– Что за вещество, Тобиас?

– Препарат под названием ЛС-34, который сейчас уже не производится. В конце шестидесятых годов он изредка использовался в психиатрии. Изредка, потому что это лекарство считалось нестабильным, а его применение – рискованным. ЛС-34 запретили сорок один год назад, так что его присутствие в организме нашего покойника, да еще в такой концентрированной дозе, весьма удивительно.

– Но насколько я понимаю, причиной остановки сердца стал не этот препарат, ведь вы упомянули о *двух* странных обстоятельствах.

– И всё-то вы подмечаете, инспектор Геринген! Честное слово, будь я помоложе лет на десять, непременно рискнул бы пригласить вас на романтический ужин!

Сара вежливо качнула головой.

– Простите, – смутился Тобиас, – мне просто необходимо было немного отвлечься, прежде чем перейти к сути...

Сара тем временем записала в блокнот название препарата. Судмедэксперт был слишком болтлив, на ее вкус, но она отдавала должное его опыту и логическому мышлению, а потому внимательно слушала в ожидании выводов.

Тобиас снял с вертикальной подставки пробирку с желтоватой жидкостью и поднял ее на уровень глаз инспектора.

– Причина смерти содержится здесь, в плазме крови. Помимо ЛС-34, анализ выявил аномально высокий уровень кальция. В медицине это называется острая гиперкальциемия. Вот она-то, вероятнее всего, и стала причиной остановки сердца.

– А откуда у него в крови взялось столько кальция?

Тобиас вскинул руку, призывая Сару проявить терпение, поставил пробирку на место и оперся о край стола. Вид у него теперь был сосредоточенный.

– Как раз к этому я и перехожу. У гиперкальциемии может быть множество причин. Например, передозировка препаратов, содержащих витамин D++. Но вряд ли этого пациента лечили от рахита. Также маловероятно, что он в огромных количествах пил молоко. Вымывание кальция из костей я тоже исключаю, поскольку не нашел признаков остеопороза и разрушения костной ткани.

– Что же остается?

Сара отметила, что по мере объяснения Тобиас неосознанно понижал голос и делался все бледнее. До этого он стоял, опираясь о стол, теперь ему пришлось сесть.

– Сара, вы помните, какое выражение лица было у несчастного старика, когда мы его впервые увидели?

Она прекрасно помнила взгляд, устремленный в пустоту, рот, разинутый в немом крике, и охватившее ее от этого неприятное чувство, потому молча кивнула.

– Значит, вы помните, что на его лице отразилось сильнейшее эмоциональное переживание, – попытожил Тобиас. – В подобных стрессовых ситуациях нервная система вырабатывает адреналин, который заставляет тело быстрее реагировать на внешние раздражители. Под влиянием адреналина в клетках сердечной мышцы высвобождается большое количество ионов кальция, необходимых для ее сокращения и, соответственно, снабжения кислородом всей мышечной системы. К сожалению, если ионов кальция слишком много, сердечная мышца сокращается, а расслабиться не может. В результате наступает смерть. Такой запредельный уровень ионов кальция вероятен лишь в одном случае.

– В каком?

Тобиас покачал головой, будто в подтверждение собственному выводу, в который и сам никак не мог поверить.

– Когда человек в буквальном смысле до смерти напуган. – Он посмотрел Саре в глаза и жестко добавил: – Жертва умерла от страха, госпожа инспектор.

Сара почувствовала неприятный озноб.

Глава 8

В кафетерии больницы пахло горячим кофе, в ночной тишине бормотал динамик мобильного телефона – буфетчица с заспанными глазами смотрела кино онлайн, сидя за прилавком. В глубине зала единственный клиент, мужчина в больничном халате, обхватив руками чашку, исходившую паром, задумчиво глядел в окно. Хлопья снега разбивались о стекло и осыпались на карниз.

Сара, опустившись на банкетку, смахнула со стола хлебные крошки, поставила на него кофе и достала блокнот из внутреннего кармана расстегнутой парки – решила позволить себе небольшую передышку, чтобы подытожить собранные на данный момент сведения. В голове назойливо крутились вопросы: что могло напугать пациента 488 до такой степени, чтобы он попытался покончить с собой? Что или кто? Намеренно или случайно? И еще эти его постоянные вопли, упоминавшие сотрудников «Гёустада», – как будто он давно кричал от страха... Из слов обоих санитаров и Янгера можно было заключить, что в последние дни характер криков изменился – они сделались громче и отчаяннее, словно страх постепенно нарастал и достиг пика минувшей ночью. Возможно, виной тому были инъекции ЛС-34, но вряд ли это единственное объяснение. Янгер сказал, что их погружали в «черный сон» и что именно с «черным сном» связаны рисунки пациента 488. Якобы старик помнил свои видения. Но что он видел?

Сара отхлебнула кофе и отложила авторучку. Исписанные страницы блокнота пестрели стрелками и вопросительными знаками. Так она ни до чего не додумается, нужно начинать с нуля...

На данный момент было известно, что пожилой мужчина с амнезией провел в психиатрической больнице «Гёустад» тридцать шесть лет и умер от страха в своей палате. Ханс Грунд, директор заведения, распорядился перенести тело в другое место, чтобы полицейские не увидели стены, снизу доверху покрытые рисунками, содержание которых вызывает недоумение. Также неясны происхождение шрамов, составляющих число «488» на лбу пациента, и суть экспериментов, проводившихся над ним и Янгером в подвальном помещении больницы. Директор, опасаясь ареста, привел в действие взрывной механизм и целую систему поджога, заранее установленную в здании. «Гёустад» уничтожен. Что Грунд хотел скрыть таким радикальным способом?

Сара рассеянно следила за полетом снежинок, задумавшись о том, в каком кошмаре жил пациент 488. Он столько лет страдал, а прошлой ночью для него все закончилось ужасной смертью. «Кто он? – пронеслось в голове. – Какой была его жизнь до «Гёустада»? Есть ли у него семья – жена, дети? Как я могла не заметить, что Эрик мне изменяет?»

Сара побледнела. Последний вопрос, неуместный и неожиданный, всплыл из подсознания против ее воли. Она выровняла дыхание и попыталась снова вернуться к мыслям о расследовании. Записала в блокнот две задачи: допросить директора, если он выживет, и найти того, кто поставлял в «Гёустад» ЛС-34. Либо где-то сохранились старые запасы, и тогда этот след ни к чему не приведет, либо некая фармакологическая лаборатория до сих пор производит и продает запрещенный препарат. Но из-за пожара вероятность найти хоть какую-то зацепку крайне мала. Нет, пока что единственный ориентир – это Ханс Грунд. Она вытащила поджигателя из огня для того, чтобы он ответил за преступление, и теперь не позволит ему просто так ускользнуть на тот свет.

Захлопнув блокнот, Сара одним глотком допила остатки кофе и позвонила офицеру Нильсену. Он сказал, что профессор Грунд находится в палате 523.

На пятом этаже она долго шла по длинному коридору – здесь разместили всех пострадавших в «Гёустаде». Двери почти везде были открыты, чтобы медперсонал мог беспрепятственно бегать из одной палаты в другую, и порой оттуда доносились стоны и причитания.

Сара машинально бросала взгляд в каждый открытый проем и вдруг узнала знакомую фигуру. Женщина, которую она спасла во время пожара, сидела в кресле для посетителей, и что-то в ее облике неуловимо изменилось. Заметив Сару боковым зрением, она посмотрела ей в лицо – и вдруг улыбнулась с искренней благодарностью, а ее глаза ожили и уже не казались слепыми и печальными. Слегка махнув ей рукой, Сара продолжила путь, поймав себя на том, что тоже улыбается от радости.

Массивный силуэт офицера Нильсена она разглядела издалека. Полицейский ни разу не покинул сторожевой пост с тех пор, как получил приказ охранять подсудимого. На голове у гиганта была повязка, под глазами залегли тени от усталости, но он уверенно стоял посреди коридора, заложив руки за спину и широко расставив ноги.

– Грунд очнулся? – спросила Сара.

– Нет, инспектор. Врачи погрузили его в искусственную кому.

– Каковы прогнозы?

– По-моему, не очень оптимистичные...

Сара мысленно выругалась, но на ее лице не отразилось и тени эмоций. Она жестом показала Нильсену, что хочет войти в палату.

– Помещение стерильное, инспектор. Вам нужно надеть сначала вот это, – он кивнул на контейнер с бахилами, – а в «предбаннике» вы увидите халат, шапочку и латексные перчатки.

Натянув защитные чехлы из полиэтилена на ботинки, Сара открыла первую дверь, накинула халат, убрала волосы под шапочку, сунула руки в перчатки и, толкнув вторую дверь, вошла в палату.

Офицер Дорн, сидевший у окна, сразу вскочил и вытянулся по струнке в присутствии начальства; рядом с ним на подоконнике выстроились в ряд пять пустых бумажных стаканчиков из-под кофе.

Кровать была окружена прозрачным пластиковым занавесом, доходившим до пола. Сара приблизилась. Ханс Грунд лежал на животе; его спину, голову и руки полностью скрывали белые бинты. Плавно поднималась и опускалась гармошка аппарата искусственного дыхания; на штативах для внутривенных вливаний висели три емкости с раствором, от них к рукам профессора тянулись катетеры. Электрокардиографический монитор фиксировал 112 ударов сердца в минуту.

– А это что? – поинтересовалась Сара, указывая на оранжевый полиэтиленовый пакет, пристроенный возле стаканчиков.

– Это вещи, которые при нем нашли, – сказал Дорн. – По крайней мере то, что от них осталось. Я не открывал.

Развернув пакет, Сара встряхнула его содержимое на подоконник, и полицейский бросился собирать свои стаканчики. Теперь перед ними лежали электронный пропуск Грунда с логотипом «Гёустада», связка ключей, блистер с таблетками ксанакса, пустой на три четверти, и фотография, на которой улыбающийся профессор обнимал одной рукой женщину, положившую голову ему на плечо, а другой – юношу и девушку лет двадцати; они тоже улыбались, и в их чертах прослеживалось явное сходство с отцом.

– Еще один психопат, который выглядит абсолютно нормальным человеком, – пробормотала Сара и на всякий случай перевернула снимок, но обратная сторона была пуста.

Глядя на блистер, она задумалась, кому предназначался сильный транквилизатор – одному из пациентов или самому профессору. В связке ключей не нашлось ничего подозрительного, а пропуск был точно таким же, какой Саре выдали в «Гёустаде» сразу после приезда.

Разочарованно сложив вещи в пакет, она сняла перчатки, бросила их в корзину в «предбаннике», надела новую пару и, вернувшись к кровати, наклонилась так, чтобы заглянуть в лицо Грунда. Изо рта у директора торчала дыхательная трубка, незабинтованная кожа вокруг закрытых глаз побагровела и распухла. Вид у него был такой, как будто он никогда не очнется.

Сара попросила Дорна позвать лечащего врача; полицейский тотчас отправился выполнять распоряжение, а минут через десять снова заглянул в палату и знаком показал, что инспектора ждут за дверью. Сара вышла следом за ним. В коридоре стояла женщина лет сорока, с короткими волосами и суровым взглядом. По ней было заметно, что она очень спешит.

– Вы хотели меня видеть?

– Я инспектор Геринген...

– Я знаю, кто вы.

Тон у врача был враждебный, но Сара это проигнорировала и взглянула на бейджик, приколотый к ее халату.

– Доктор... Хёуг, насколько серьезные повреждения получил этот человек?

– Девяносто процентов дермы поражены ожогами третьей степени. Хуже всего дело обстоит с правой рукой – там круговой ожог, есть риск ишемического поражения и, как следствие, некроза бицепса.

– Шансы на выживание?

Врач вздохнула:

– Я бы сказала... тридцать процентов, но это всего лишь предположение на основе статистики.

Сара почувствовала себя боксером, получившим прямой удар в челюсть. Она медленно стянула стерильную шапочку и поправила волосы.

– Послушайте, доктор, как вы, вероятно, знаете, именно профессор Грунд устроил пожар, уничтоживший «Гёустанд». Он не просто подозреваемый, а настоящий преступник. Я это знаю, поскольку он активировал взрывное устройство у меня на глазах. По его вине погибли шестнадцать человек, но мы понятия не имеем, почему он совершил поджог.

– И что?

– Мне нужно допросить профессора Грунда, а для этого вам придется вывести его из комы.

Врач воззрилась на Сару с изумлением:

– Надеюсь, вы шутите?

– Мне понадобится максимум пятнадцать минут, потом вы его снова усыпите.

– Это противоречит нашим принципам, госпожа инспектор. Мы погрузили пациента в искусственную кому, чтобы сэкономить скудные ресурсы организма, необходимые для регенерации. Их и так не хватает, понимаете? Если мы его разбудим, он не только будет ужасно страдать – может случиться так, что сердце не выдержит. Для вас этот человек – преступник, но для меня он прежде всего пациент. Вам ясно? – Доктор Хёуг пробуравила Сару тяжелым взглядом, словно утверждая свою власть, и развернулась на каблуках – она спешила к другим больным.

– О да, яснее не бывает, – покивала Сара, ожидавшая такой реакции. – Но представьте себе, что преступник, то есть пациент, как вы его называете, умрет, не успев дать объяснений своему поступку, а это, согласно вашему же прогнозу, никак нельзя исключать. Что тогда будет с десятками людей – родственниками шестнадцати погибших по его вине? Жены, мужья, дети и родители никогда не узнают, почему близкий им человек сторел живьем. Как они с этим будут жить?

– Сожалею, инспектор, я не могу нарушить профессиональный кодекс.

– Знаете, один ваш коллега когда-то сказал мне, что движущая сила медицины – не какие-то там кодексы, а статистика и добрая воля.

– В каком-то смысле это верно.

– Тогда прикиньте, какова вероятность, что, отказавшись разбудить профессора Грунда, вы принесете больше вреда, чем пользы? Сейчас где-то рыдает мать, неделю назад доверившая ему своего сына, к примеру, с легкой депрессией. Представьте, как профессор был любезен,

уверяя ее, что мальчик поправится, что ей не о чем беспокоиться... И вы думаете, она когда-нибудь придет в себя от этой потери, если так и не узнает, почему ее сын погиб?

Доктор Хёуг на секунду опустила взгляд, но осталась непреклонной:

– Послушайте, инспектор, я... я просто не могу на это пойти. Сара откинула волосы, скрывавшие правую, обожженную, сторону лица.

– Я была рядом с профессором, когда он устроил взрыв, который спровоцировал пожар во всем здании. Я видела, как он улыбался, – соврала она. – Предвкушал страдания десятков душевнобольных людей, запертых в палатах. И вместо того чтобы спасти собственную шкуру, я полезла за ним в огонь, потому что обязана узнать правду и рассказать ее всем, кто чуть не сгорел по его воле, и родственникам тех, кто погиб. Я рисковала ради этого жизнью. Помогите мне. Помогите утешить людей, которые ждут ответов и надеются их получить.

Офицер Дорн все это время, затаив дыхание и приоткрыв рот, внимательно следил за схваткой двух женщин с твердым характером.

– Вы понимаете, инспектор, что фактически требуете от меня одобрить допрос под пыткой?

– Вы сказали, у него ожоги третьей степени. Насколько мне известно, это означает, что повреждены нервные окончания, а стало быть, он не чувствует боли.

Врач не сумела скрыть удивления:

– Да, вы правы, но... нервные рецепторы в мышечной ткани не задеты, а ишемия сопровождается сильнейшей болью, и уж ее-то он почувствует.

– Увеличьте дозу морфия. Вы же можете сделать это ненадолго? Обещаю, я быстро управлюсь.

– Не знаю... все же это...

– С каждой минутой возрастает риск, что Ханс Грунд умрет, не ответив за свое преступление. Пожалуйста, решайтесь.

Доктор Хёуг на мгновение закрыла глаза, как будто ей не хотелось видеть то, что произойдет дальше с ее согласия.

– Имейте в виду, инспектор, это опасная и длительная процедура. Человека нельзя вывести из искусственной комы за пять минут. Необходимо поднять температуру тела, постепенно купировать действие снотворного...

– Сколько времени вам потребуется?

– Это зависит от многих факторов. В среднем нужно от двадцати четырех до двадцати восьми часов.

– Дорн, позвоните мне, когда профессор будет в состоянии говорить. – Сара повернулась, собираясь покинуть больницу.

– Инспектор Геринген, – остановила ее доктор Хёуг, – когда пациент проснется... если он проснется, я дам вам десять минут и ни секундой больше. Вы поняли?

Глубоко вздохнув, Сара кивнула и зашагала к выходу. Было почти два часа ночи.

Она переночевала в том же номере отеля на окраине Осло. Вдали от посторонних взглядов позволила себе наконец разреветься и плакала долго, горько, безудержно. А утром боль никуда не делась, и страх перед будущим не исчез, зато в самые тяжелые предрассветные часы созрела решимость довести расследование до конца, каким бы опасным оно ни оказалось. Очертя голову, со всем отчаянием. Потому что это ее единственный шанс сохранить рассудок. Оставалось только надеяться, что у тела и души на все про все хватит энергии.

День Сара провела в своем рабочем кабинете, изучая накопившиеся сведения. Прочитала вдоль и поперек отчеты криминалистов о вещдоках, собранных на обгоревших развалинах «Гёустада», – это помогло ей восстановить контакт с реальностью и систематизировать факты, но не дало ничего такого, что позволило бы понять, почему Ханс Грунд уничтожил свою больницу или кем был пациент 488.

На всякий случай она позвонила офицерам Дорну и Нильсену, но профессор еще не вышел из комы.

Под вечер, когда голова уже плохо соображала, Сара незаметно ускользнула из управления, купила сменную одежду и, заказав в номер отеля целый поднос роллов, поужинала, сидя по-турецки на кровати. На звонки сестры она за день ни разу не ответила и теперь написала ей эсэмэску, пообещав заехать, как только появится свободное время. Вопрос о продаже квартиры и поисках постоянного жилья отложила подальше.

Около десяти вечера Сара набрала ванну, но в теплой воде пролежала всего несколько минут и вылезла – было неудобно и беспокойно на душе. Незадолго до полуночи ей наконец удалось заснуть.

Телефон зазвонил, когда она металась в тревожном сне, из тех, в которых по кругу совершается одно и то же действие, но никак не может привести к нужному результату. Сара ответила и сразу вскочила, узнав голос офицера Дорна.

– Грунд очнулся.

На часах было 3:42.

Через двадцать минут Сара размеренным шагом шла по больничным коридорам; сна уже не было ни в одном глазу.

Офицер Дорн поджидал ее у ожоговой палаты с охапкой стерильной одежды. Облачившись во все необходимое, Сара устремилась к дверям, из которых как раз выходила доктор Хёуг.

– У вас ровно десять минут.

– Он под морфием?

– Да.

«Вот и славно, – подумала Сара. – Морфий подействует как растормаживающее средство, и профессора пробьет на откровенность».

Ханс Грунд застонал, и она поспешила присесть на корточки рядом с кроватью. Обожженные веки директора дрогнули и открылись, мутный взгляд сфокусировался на Саре.

– Профессор Грунд, я инспектор Геринген. Помните меня? Он медленно опустил и поднял веки, что, видимо, означало «да»; затем выдохнул едва слышно:

– Где я?

– В Университетской больнице Осло, с ожогами, полученными в «Гёустаде» во время пожара, который вы сами же и устроили. Ваше заведение сгорело до основания, шестнадцать человек погибли, несколько десятков получили травмы.

Она ожидала увидеть в глазах Грунда удовлетворение, но он печально отвел взгляд.

– Я... не должен был выжить.

– Я вытащила вас из огня.

– Зачем?

– Чтобы понять, господин Грунд. Понять, почему вы совершили такое чудовищное преступление, когда мы расследовали обстоятельства смерти одного-единственного пациента.

Профессор, как и прежде лежавший на животе, попытался повернуть голову, чтобы не смотреть на инспектора, но его лицо тотчас исказила гримаса боли.

– Я не хотел... чтобы все так закончилось, – выговорил он, сделав паузу посреди фразы, поскольку ему потребовалось перевести дыхание. – Я всегда заботился о пациентах... Боже... Как мне теперь жить с этой виной?... Вам надо было бросить меня там...

Этого Сара никак не ожидала и машинально обернулась на стоявшего у окна офицера Дорна – он тоже выглядел удивленным.

– Вы говорите так, будто считаете себя... жертвой, профессор.

– Я это сделал, чтобы спасти жену и детей. Меня вынудили. Сара, более чем озадаченная, выпрямилась, пододвинула стул к изголовью кровати и села, не сводя взгляда с обожженного лица.

– Кто вынудил?

Грунд снова болезненно сморщился, зажмурил глаза, – электрокардиограф зафиксировал резкое ускорение пульса. Испугавшись, что доктор Хёуг отреагирует на сигнал тревоги и ураганом ворвется в палату, чтобы положить конец допросу, Сара встала и под настороженным взглядом офицера Дорна повернула рычажок на капельнице с морфием, увеличив дозу. Сердечный ритм Грунда начал снижаться и почти пришел в норму. Секунд через тридцать профессор открыл глаза. Его взгляд был устремлен в какую-то воображаемую точку в пространстве или, скорее, в памяти.

– Появление Четыре-Восемь-Восемь в «Гёустаде» было не совсем таким, как я вам описал...

Сара, снова севшая на стул, наклонилась поближе, чтобы не упустить ни единого слова.

– Когда я сменил Олинка Вингерена на посту директора... Олинк посоветовал мне хранить в тайне историю и личность этого пациента, предупредив, что иначе они придут за моей семьей, так же как раньше грозились прийти за... его близкими...

– Погодите, кто такие «они»? Вы хотите сказать, кто-то шантажировал прежнего директора «Гёустада» с целью скрыть информацию о пациенте Четыре-Восемь-Восемь, а потом вы унаследовали эту угрозу вместе с должностью?

Грунд подтвердил движением век.

– Профессор, мне нужно знать, кто приказал вам держать эту информацию в секрете и почему.

Во взгляде Ханса Грунда отразилась беспомощность, он облизнул губы, и Сара тут же поднесла к его рту стакан воды с соломинкой. Сделав глоток, профессор продолжил:

– На следующий день после назначения в «Гёустад» мне позвонил какой-то человек, знавший о моей жизни все подробности – о жене, о двоих детях... – Он снова замолчал, будто погрузился в воспоминания.

– И чего этот человек от вас хотел? – поторопила Сара.

– Чтобы я держал пациента Четыре-Восемь-Восемь в изоляции и продолжал делать ему инъекции ЛС-34. Я побоялся спорить.

– Кто поставлял вам ЛС-34?

Ханс Грунд вздохнул:

– Каждый месяц посылку с препаратом приносил простой курьер, отправителя мы не знали. И никто не требовал платы.

Так было еще во времена Олинка, и при мне ничего не изменилось.

– Кто колол ЛС-34 пациенту?

– Кто-нибудь из медперсонала... допущенного в охраняемый сектор...

– Сандвик или Лунде, да?

Профессор опустил и поднял веки.

– Они знали, что это запрещенный препарат? – спросила Сара, взглянув на часы – осталось всего две минуты, а она пока ничего конкретного не добилась.

– Не думаю. Вряд ли их это интересовало. Дело санитаров – выполнять распоряжения врачей.

– Что за опыты вы проводили над пациентом Четыре-Восемь-Восемь?

– В подвальном помещении был загадочный аппарат, к которому я должен был его подключать... с помощью электродов... и выставлять определенные показатели по инструкции... Потом следовала инъекция ЛС-34. Через секунду на бумаге распечатывалась серия... странных значков.

– Значки были похожи на те, которые Четыре-Восемь-Восемь рисовал на стенах палаты? – предположила наугад Сара.

Ей показалось, что Грунд сейчас лишится сознания – он быстро слабел, уже не мог сфокусировать взгляд.

– Не... знаю.

– Вы не пробовали анализировать эти «граффити», профессор? И не задавались вопросом, почему пациент так ожесточенно разрисовывает стены?

Грунд ответил чуть слышным вздохом.

– Олинк Вингерен еще жив? – Сара теперь то и дело посматривала на дверь палаты.

– Да, наверное...

– Почему сейчас вы решились рассказать о шантаже, хотя, вероятно, жизнь ваших детей и жены все еще под угрозой?

– Не знаю... Думаю, больше они ничем не рискуют, потому что я избавился от... всего...

«Морфий в сочетании с желанием искупить вину, – мысленно отметила Сара. – Адская сыворотка правды».

В этот момент в палату ворвалась доктор Хёуг и решительно направилась к кровати. Даже не спросив, закончила ли Сара допрос, она повернула рычажки на капельницах со снотворным. Сара, пользуясь последними секундами, наклонилась к профессору.

– Когда вы активировали взрывной механизм... – начала она.

– Да, – перебил Грунд. – Я знал, что погибнет много людей. Но сделал это, потому что ситуация вышла из-под контроля... Я верующий, инспектор... вы же видели распятие в кабинете... и знаю, что попаду в ад... Но я думал о дочери и о сыне... Я пошел бы на все, чтобы их спасти... и сделал бы это снова... Мои дети... Инспектор... защитите их... – Обожженные веки задрожали и закрылись.

– Спасибо. Вы приняли правильное решение, – сказала Сара врачу.

Та словно и не услышала – ее внимание было приковано к пациенту.

Сара тихо вышла из палаты, полицейский последовал за ней.

– Попросите прислать кого-нибудь вам на смену и отправляйтесь домой, офицер Дорн.

Тот же совет она дала Нильсену, дежурившему в коридоре, и по дороге к выходу позвонила Норберту Гансу, своему временному помощнику, с двумя просьбами: приставить охрану к членам семьи Ханса Грунда и как можно скорее разыскать для нее адрес и номер телефона некоего Олинка Вингерена.

Глава 9

Заря морозного понедельника 15 февраля едва занялась, а внедорожник Сары уже летел на скорости 150 километров в час по автостраде, ведущей к Холмстранну – скромному морскому порту, где, как выяснил Норберт, жил Олинк Вингерен, бывший директор психиатрической больницы «Гёустад».

Остаток ночи она провела в том же отеле, что и накануне, позавтракала смузи и яблоком, а к пяти утра уже была в пути.

Доктор Вингерен был последним свидетелем, который мог вывести следствие на того или на тех, кто тридцать шесть лет назад запер в «Гёустаде» безумяного пациента 488. Обыски в доме Ханса Грунда и двух санитаров ничего не дали.

Указатель на поворот к Холмстранну погруженная в размышления Сара заметила в самый последний момент и так резко ударила по тормозам, что внедорожник занесло, закрутило на обледенелой дороге. Тотчас включились рефлексy опытного водителя: она отпустила педаль торможения и, нажав на газ, попыталась выровнять траекторию. Машину под визг покрышек мотнуло вправо, влево, но она все же устояла на четырех колесах и вышла из штопора. Сбросив скорость, Сара, белая как мел, свернула к обочине и остановилась, чтобы перевести дух, – кровь гудела в ушах, сердце глухо барабанило по ребрам. Уняв дрожь в руках, она заправила за ухо прядь мокрых от пота волос. Вернуться домой, немного отдохнуть и навести порядок в личной жизни – вот что нужно было сделать прямо сейчас, но эта простая на первый взгляд задача казалась ей еще неподъемнее, чем расследование загадочного дела пациента 488.

Выдохнув воздух до боли в легких, Сара глубоко вдохнула, завела мотор и поехала к повороту на дорогу к Холмстранну, решив, что надо действовать, пока ее окончательно не одолели сомнения в своих дедуктивных способностях. Она перебирала и раскладывала по полочкам в голове существенные обстоятельства дела, когда вдруг завибрировал мобильник. Звонил Стефан Карлстрём.

– Да?

– Сара, ты где?

– Кажется, на пути к ответам на вопросы.

– В смысле?

– Я еду к психиатру, который был директором «Гёустада» в семидесятых и восьмидесятых годах.

– И какое отношение он имеет к тому, что происходит сейчас?

– Надеюсь, он поможет нам понять, почему Ханс Грунд спалил больницу. То есть подскажет, что Грунд хотел таким образом скрыть.

– О'кей. Буду ждать твоего звонка.

Сара отложила телефон.

Через час она уже въезжала в ворота, за которыми находилась частная загородная территория. Безупречно белый снег поскрипывал под колесами; впереди, на пригорке в окружении оцепеневшего на морозе леса, высился особняк; у подножия холма стыло огромное озеро. Сара заметила лодку, вмерзшую в лед. Здесь царила непобедимая тишина, и сероватый зимний свет придавал пейзажу расплывчатый, иллюзорный облик. Казалось, у этого места нет будущего, тут никогда ничего не произойдет.

Сара поднялась на крыльцо, постучала в дверь – никто не ответил. Спустя пару минут она обнаружила, что воздух здесь еще холоднее, чем в Осло: на такой стуже долго не выстоять без движения, можно окоченеть.

По счастью, дверь все-таки открылась, и показавшийся на пороге старик окинул гостью взглядом с головы до ног:

– Что вам угодно?

Она отметила, что вид у хозяина дома усталый и равнодушный, как у человека, который больше ничего не ждет от жизни.

– Я инспектор Геринген. Позапрошлой ночью в «Гёустаде» умер пациент Четыре-Восемь-Восемь, и мне хотелось бы задать о нем несколько вопросов.

При упоминании пациента взгляд Олинка Вингерена оживился. Он еще некоторое время рассматривал Сару, затем вздохнул и, повернувшись к ней спиной, побрел в дом, оставив дверь открытой.

В лицо пахло затхлостью. Похоже, и правда жизнь остановилась здесь много лет назад, даже пыль как будто сохранилась с тех времен. Доктор Вингерен впереди горбился и вяло шаркал ногами, молча пересекая гостиную, обставленную деревенской мебелью. На комодике выстроились в ряд безделушки; в глубине комнаты стояли два старинных кресла с темно-зеленой обивкой и накинутыми на подголовники кружевными салфеточками. В тишине скрипел паркет, нарушая размеренное тиканье часов с маятником. Когда глаза немного привыкли к полумраку, Сара с удивлением разглядела картинку в раме на стене. Это было черно-белое схематическое изображение человеческой головы в разрезе, повернутой в профиль, с широко открытым глазом и подробным обозначением всех зон мозга. Перед глазом рука держала шилообразный инструмент; стрелка указывала точку прокола в глазнице.

Заметив направление взгляда госты, Олинк проговорил: – Инструкция по лоботомии. Эта процедура считалась в свое время выдающимся научным открытием, госпожа Геринген, и эффективным способом лечения психопатологий. Представьте себе, люди, пленники собственного замутненного сознания, страдавшие от неопишуемой душевной боли, вдруг получали облегчение. Это было чудо.

При других обстоятельствах Сара ответила бы ему, что она на самом деле думает об этом «чуде», но сейчас ей не хотелось настраивать против себя единственного свидетеля.

– У каждой эпохи свои убеждения, и настоящее порой предвзято судит о прошлом, – сказала она.

Олинк Вингерен со вздохом облегчения опустил в кожаное кресло.

– Не знаю, искренне вы так считаете или просто хотите меня задобрить, но приятно было услышать. – Он жестом предложил Саре сесть. – Так значит, он дожил до прошлой ночи?

– До позапрошлой.

– А отчего умер?

– От страха.

Бывший директор «Гёустада» задумчиво покивал, глядя в пол; его как будто не удивила причина смерти.

– Господин Вингерен, я знаю о тайне, десятилетиями окружавшей пациента Четыре-Восемь-Восемь, и об угрозах тем, кто мог ее выдать. Но теперь он мертв, и ваша сделка уже недействительна. Расскажите мне все, что вам известно об этом человеке.

– Вам повезло, инспектор. У меня никого не осталось, больше некого защищать и некого любить. Сiju тут и безучастно жду смерти... Что вы хотите знать? И почему?

Сара, тоже сев в кресло, подробно изложила недавние события, начиная со своего приезда в «Гёустанд» и заканчивая откровениями Ханса Грунда. Олинк Вингерен внимательно слушал с очень серьезным видом.

– Стало быть, они по-прежнему начеку... – пробормотал он, когда Сара замолчала. – За столько лет не отказались от своей миссии...

– О ком вы говорите?

– О, я расскажу все, что знаю, однако сомневаюсь, что это поможет вам разобраться в деле. – Старик погладил выцветшую обивку на подлокотниках, собираясь с мыслями. – Все началось с того, что мне позвонил министр здравоохранения. Это было в конце семидесятых.

Министр сказал, что на днях два человека привезут в «Гёустад» пациента с амнезией и я должен его принять без лишних вопросов – мол, дело национальной безопасности и сам он больше ничего не знает, приказ пришел сверху, прямо-таки с заоблачных высот, от людей, которые в качестве средства давления на меня без колебаний используют моих жену и детей, если я вдруг не выполню то, что потребуют двое агентов.

Сара, наклонившись вперед, оперлась локтями на колени, сцепила пальцы в замок и вся обратилась в слух.

– Холодная война была в разгаре, – продолжал Олинк, – и подобные угрозы не воспринимались как пустой звук. Сейчас-то уже другие времена...

– Понимаю, – кивнула Сара. Исторический контекст действительно располагал к шантажу и паранойе.

– Агенты, о которых говорил министр, явились поздно вечером, без предупреждения, и привезли полусонного мужчину с ужасными шрамами на лбу. Вы видели – цифры «четыре», «восемь», «восемь»... Мне велели поместить этого человека в отдельную палату и исключить любые его контакты с другими пациентами. Еще агенты добавили, что чуть позже мне доставят специальный аппарат, который нужно будет ежедневно использовать для «лечения» больного в сочетании с инъекциями ЛС-34, и каждый раз подробно фиксировать в журнале наблюдений его реакции. Если об этом пациенте кто-то узнает, мне придется скрыть все следы его пребывания в «Гёустаде»... уничтожив здание. Сказали, я должен буду сжечь больницу, активировав взрывной механизм, – для этого в ближайшее время они установят систему поджога... Какая же все-таки кошмарная история... – вздохнул старый психиатр. – Немыслимая...

– Агенты сказали вам что-нибудь еще? – спросила Сара.

– Когда я поинтересовался, сколько времени пробудет в «Гёустаде» этот человек, они ответили – до конца жизни. И ушли. Больше я их никогда не видел и не слышал. А полученные распоряжения из страха за свою семью выполнял до тех пор, пока меня не сменил на посту директора профессор Грунд.

– И вы не догадывались, кто были те агенты? О них вам и правда сказал сам министр здравоохранения?

– Да-да, мы с министром в ту пору были друзьями.

– А вы не пытались расспросить его поподробнее?

Доктор Вингерен усмехнулся:

– Еще как пытался. Но он знал не больше моего. Выполнял директиву, полученную с самого верха.

– Из администрации премьера? – удивилась Сара.

– Не имею понятия. Знаете, ведь после Второй мировой войны между разными государствами сложились новые политические альянсы, и они... как бы это сказать?... оказывали друг другу помощь в некоторых неудобных делах.

– Вы намекаете на какое-то конкретное государство, попросившее... помощи?

Доктор Вингерен посмотрел на Сару с удивлением, как учитель на ученика, который не может решить элементарную задачу:

– Разумеется, я говорю о Соединенных Штатах. Кто еще мог навязать норвежскому правительству свою волю так, чтобы им не задавали лишних вопросов?

– Но почему тогда нельзя было оставить пациента Четыре-Восемь-Восемь под полным контролем спецслужб? Зачем понадобилось помещать его в психиатрическую больницу на окраине?

– Теряюсь в догадках. Вероятно, на то были веские причины. Так или иначе, они не выпускали Четыре-Восемь-Восемь из поля зрения.

– Вы хотите сказать, в больнице у них был информатор?

– А как иначе они могли удостовериться, что все инструкции выполняются?

– Вам известно, кто держал их в курсе?

Вингерену вопрос не понравился.

– В больнице было очень много сотрудников, и я никогда не замечал в их поведении ничего подозрительного, – сухо сказал он. – Какое-то время пытался вычислить шпиона, но потом подумал, что жена и дети мне дороже. Тогда они еще были со мной. В те времена угрозы со стороны спецслужб нельзя было игнорировать, я не мог подвергнуть близких людей опасности. Так что быстро отказался от этой затеи. – Старик устремил тоскливый взгляд на фотографию, стоявшую на столике рядом с его креслом.

– А ЛС-34? Откуда вам его поставляли?

Вингерен не ответил – погрузился в воспоминания. Саре пришлось деликатно покашлять, чтобы вернуть его к действительности. Он взглянул на нее как ни в чем не бывало:

– Не знаю откуда.

– Ладно... А что вы можете сказать об этом препарате? Как он действует на психику?

– Это психотропное химическое вещество, сильный галлюциноген. Его разработали для снятия психоэмоциональных блокировок, возникающих в результате некоторых душевных недугов, и в свое время использовали в психоаналитической терапии пациентов с заторможенной психикой. ЛС-34 помогал замкнутым, ушедшим в себя людям проявить свой невроз.

– Похоже на ЛСД.

– Именно. Это вещество из той же группы. Производное эрголина, алкалоида спорыньи. Вы, наверное, знаете, что спорынью, грибок, паразитирующий на ржи, в Средние века применяли как галлюциноген. По сути это одно и то же, только ЛС-34 помощнее, чем ЛСД.

– Каракули на стенах в палате пациента Четыре-Восемь-Восемь – побочный эффект препарата?

– Каракули? – озадаченно переспросил доктор Вингерен.

– Ну... по крайней мере, так кажется на первый взгляд, – развела руками Сара. – А вы не согласны?

– У вас есть фотографии стен?

– Да...

– Покажите мне.

Она достала из кармана мобильный телефон и, открыв папку с нужными файлами, развернула его экраном к старику.

– Надо же, ничего не изменилось, – пробормотал тот. – Он рисовал одни и те же образы.

– Образы? – на этот раз озадачилась Сара и, увеличив фрагмент снимка, еще раз всмотрелась в него, но не различила никаких поддающихся осмыслению форм.

– О да. Это сложная система повторяющихся образов. Приглядитесь внимательнее.

Сара попыталась проследить контуры некоторых пятен, однако безрезультатно.

– Постарайтесь убедить себя в том, что пациент рисовал не просто так, а в его изображениях есть смысл. Это поможет вашему мозгу сосредоточиться на главном, – посоветовал Вингерен.

Сара еще раз посмотрела на экран, поводила по нему пальцами, меняя масштаб, и вдруг затаила дыхание.

– Это же дерево... – Взгляд метнулся в другой угол экрана, она склонила голову налево, направо, прищурилась. – Рыба? А вот здесь... похоже на языки пламени...

Олинк Вингерен одобрительно кивнул:

– Найдите фотографию другого участка стены, чтобы удостовериться.

Она уже сделала это и потрясенно замерла. Бессмысленные каракули на стенах палаты сложились в узор из трех до бесконечности повторяющихся символов, нарисованных вперемешку, сваленных в кучу, налезających друг на друга, но теперь уже четко различимых: дерево, рыба, огонь.

- Вот вы и увидели, – констатировал психиатр. – Рыба, огонь, дерево.
- При вас он рисовал то же самое?
- Да, всегда так было.
- Вы спрашивали у него, что это означает?
- Однажды спросил, но он впал в такое буйство, что я не решился повторить.

Сара никак не могла оправиться от потрясения – тридцать шесть лет изо дня в день человек остервенело рисовал на стенах одни и те же символы. Откуда у него взялась эта навязчивая идея? Как она была связана с «черным сном», о котором говорил Янгер? Быть может, Олинк хоть что-то знает...

– Полагаю, вы все же задумывались о смысле этих изображений хоть раз за столько лет, господин Вингерен.

– Конечно. Но сказать с уверенностью могу только одно: все три элемента стоят вне времени и пространства, то есть не привязаны ни к определенной эпохе, ни к истории какой-либо страны. Он рисовал не самолет, не машину, не человеческое лицо... Однако я не понимаю, почему его преследовали именно эти образы.

– Санитары, присматривавшие за ним, еще говорили о каком-то странном крике...

– О да, фирменный крик пациента Четыре-Восемь-Восемь! Он словно хотел воспроизвести какой-то определенный звук или ноту, но никак не мог в нее попасть и пробовал снова и снова. Словно забыл и старался вспомнить, как это должно звучать. Загадка...

– А крик как-то связан с рисунками?

– Даже не представляю. Но возможно, невроз, выражавшийся в крике, имел ту же причину.

– Прием препарата ЛС-34 мог привести к остановке сердца? Вернее, мог ли он вызвать настолько чудовищные галлюцинации, что пациент умер от страха?

Вингерен задумчиво потер лоб.

– И да и нет, – проговорил он наконец. – Если учесть все, что я услышал от вас, и добавить мои собственные знания о действии ЛС-34... сомневаюсь, что галлюцинация могла спровоцировать у человека приступ смертельного страха. Даже в полубессознательном состоянии, в котором, видимо, и пребывал пациент Четыре-Восемь-Восемь перед смертью, мозг по-прежнему способен отличать воображаемые образы от реальных. К примеру, когда вам снится, что вы умираете, организм тотчас просыпается, поскольку мозг знает, что это неправда. Так что пациент Четыре-Восемь-Восемь умер вовсе не от галлюцинации, а скорее от воспоминания. Я думаю, препарат ЛС-34 вытащил из глубин его памяти нечто такое, что и спровоцировало эмоциональный всплеск, а в результате – остановку сердца.

– Значит, в прошлом он видел или слышал нечто настолько ужасное, что одно лишь воспоминание об этом его убило?.. – не поверила Сара. – Но разве мысль может убить?

Старый психиатр иронически усмехнулся:

– Мысли прикончили бы всех нас, если б не забвение, мадам Геринген. Способность забывать избавляет нас от необходимости каждую секунду размышлять на тему абсурдности бытия. Мы живем, не зная, откуда пришли в этот мир, и умираем, не догадываясь, что будет дальше. Как жить между необъяснимым рождением и необъяснимой смертью, не цепenea при этом от страха из-за отсутствия смысла? Логически невозможно. И тем не менее подавляющему большинству людей это удается, живут себе и в ус не дуют. Но представьте, что было бы, если б вас заставили думать об этом каждую секунду, постоянно осознавать абсурдность собственного существования. Вы бы с этим справились, как полагаете? Обычно подобные мысли посещают нас, только когда мы сталкиваемся со смертью кого-то из близких. Но... – Доктор Вингерен замолчал, качая головой, словно что-то тревожило его в своих умозаключениях.

– Но что? – спросила Сара, стараясь прогнать тягостные мысли, одолевавшие ее, по мере того как старик говорил. – Вы как будто намекаете, что в случае с пациентом Четыре-Восемь-Восемь все было не так.

– На это намекают его рисунки. С точки зрения психиатрии они свидетельствуют о пережитой пациентом психологической травме, причину которой он таким образом пытается облечь в некую распознаваемую форму. То есть в своих рисунках он хотел отобразить воспоминание, которое преследовало его и не давало покоя. Это было нечто вполне конкретное, не просто память об эмоциях, вызванных столкновением с бессмысленностью бытия.

Часы с маятником начали отбивать время – Сара насчитала одиннадцать ударов и огорчилась оттого, что до сих пор не удалось получить ни одной зацепки.

– Хотите чего-нибудь выпить, инспектор?

– Нет, спасибо. Послушайте, господин Вингерен...

Но старик поднялся с кресла, не дав ей закончить, и устало зашаркал в соседнюю комнату.

Сара не решилась его остановить – слушая звон посуды, ждала, когда он вернется. Нетерпение нарастало; наконец минут через десять хозяин появился в гостиной с чашкой и заварочным чайником на подносе, дрожавшем в дряхлых руках.

– Все, что вы рассказали, господин Вингерен, чрезвычайно любопытно, – начала Сара, едва он переступил порог. – Но мне нужна хоть какая-то информация, которая поможет выйти на людей, поместивших пациента Четыре-Восемь-Восемь в «Гёустад», на тех, по чьему приказу над ним проводились эксперименты с применением ЛС-34.

Олинк тем временем опустил в кресло, налил себе чаю, сделал глоток и наслаждался вкусом, будто не слыша ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.